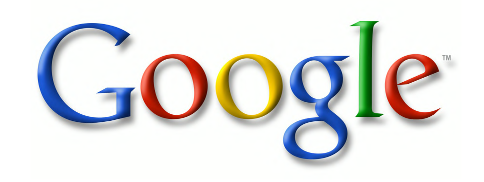
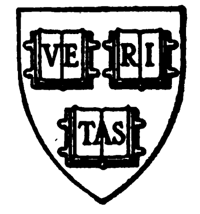
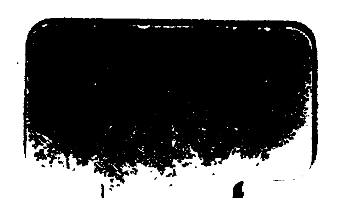

VE RI
TAS

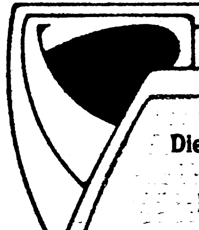

RUSSISCHE FREIHEITS-BIBLIOTHEK. No. 3.

РУССКАЯ СВОБОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 3.

Die russische Revolution
1905—1906.

La Révolution russe
en 1905—1906.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

1905-1906 г.

П. ОРЛОВЪ.

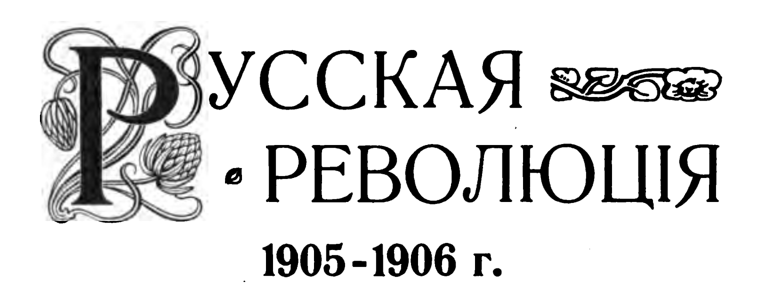
Давосъ.
Изданіе Акц. Общ. Давосской Типографіи.
1906 г.

Verlagsanstalt Buchdruckerei Davos A.-G.
Davos-Platz (Schweiz). - 1906.

РУССКАЯ СВОБОДНАЯ БИБЛІОТЕКА. № 3.

Die russische Revolution 1905—1906.

La Révolution russe en 1905—1906.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

1905-1906 г.

П. Орловъ.

ДАВОСЪ
Изданіе Акц. Общ. Давосской Типографіи.
1906 г.

Verlagsanstalt Buchdruckerei Davos A.-G., Davos-Platz (Schweiz).

Глава первая.

Самодержавіе и революція.

„Много героизма, мало героевъ!“ Такъ охарактеризовалъ какой-то писатель русскую революцію. Послѣдняя дѣйствительно отличается какимъ-то роковымъ безсиліемъ и безпомощностью. Она вспыхиваетъ неожиданно, проявляя поразительный героизмъ и удивительную отвагу; но такъ же неожиданно кончаются ея взрывы, оставляя горькое чувство разочарованія. Объ общей руководящей идеѣ ея проявленій не можетъ быть и рѣчи, каждая сцена ея разыгрывается самостоятельно. Въ этомъ именно заключается ея слабость. Самодержавіе давно уже ушло бы въ область исторіи, еслибы противъ него была объединена вся та революціонная энергія, которая накопилась за послѣднее десятилѣтіе въ нѣдрахъ многострадальнаго русскаго народа.

Самодержавіе теперь болѣе чѣмъ когда-либо противорѣчитъ потребностямъ общественной и государственной жизни. Объ удовлетвореніи умственныхъ потребностей народа, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Правительство само борется противъ народнаго образованія и воспитанники высшихъ и отчасти также среднихъ школъ борятся въ рядахъ революціонеровъ. Школы обращены въ казармы,

церковь превращается въ полицейскій участокъ. Журналы и газеты подвергаются безконечнымъ преслѣдованіямъ. Вся умственная жизнь народа находится подъ нелѣпымъ надзоромъ полиціи.

Крестьянское хозяйство во всей Россіи все болѣе приходитъ въ упадокъ. Крестьяне бѣднѣютъ, голодъ и неурожаи повторяются все чаще. Все это является послѣдствіемъ хищнической финансовой политики, облагающей населеніе чудовищными налогами и акцизами.

При всеобщемъ экономическомъ упадкѣ не можетъ развиваться и частновладѣльческое хозайство. Таможенная политика, односторонне покровительствующая промышленности, создаетъ неблагопріятныя условія и для крупнаго землевладѣнія. Недовольство современнымъ строемъ проникаетъ и въ тѣ классы, которые раньше считались самымъ вѣрнымъ оплотомъ царскаго самодержавія. Когда-то русскій царь могъ говорить, что въ дворянствѣ онъ имѣетъ 40 тысячъ даровыхъ полицмейстеровъ. Теперь же только незначительная часть дворянства осталась вѣрной прежнимъ традиціямъ, а большинство его въ своихъ сословныхъ собраніяхъ и на земскихъ съѣздахъ болѣе или менѣе присоединяется къ конституціоннымъ требованіямъ.

Министръ Финансовъ С. Ю. Витте всѣми силами старался создать въ Россіи промышленность.

Онъ пожертвовалъ ей интересами земледѣлія и благосостояніемъ страны, онъ осыпалъ ее золотымъ дождемъ. Желѣзнодорожная, таможенная и финансовая политики были направлены исключительно на поддержку сравнительно небольшой кучки промышленныхъ тузовъ. Послѣдніе осыпались казенными заказами, различными привилегіями, покровительственными законами и даже денежными пособіями изъ казны. Но результаты всей этой политики

оказались крайне плачевными и совсѣмъ не оправдали понесенныхъ жертвъ. Какъ только прекращаются казенные заказы и пособія, многія промышленныя заведенія прекращаютъ свое существованіе, потому что они совсѣмъ не приспособлены къ нуждамъ экономической жизни страны. А такъ какъ правительство нарушило интересы земледѣлія для созданія промышленности, то вся экономическая жизнь громадной имперіи оказалась ослабленной и разстроенной.

Политическій строй Россіи давно уже отжилъ свой вѣкъ, онъ является главнымъ препятствіемъ всякаго прогресса и развитія. Функціи государства становятся все шире и многостороннѣе, съ ними не можетъ справиться продажная и невѣжественная бюрократія, какъ бы она ни была многочисленна. Но сущность самодержавія заключается именно въ могуществѣ бюрократіи, зависящей отъ воли и усмотрѣнія царя. Поэтому правительсво ревниво оберегаетъ интересы чиновничества и послѣдовательно борется противъ тенденцій самоуправленія. Въ сущности вся революціонная борьба въ конечномъ счетѣ сводится къ борьбѣ этихъ двухъ принциповъ.

Для дальнѣйшаго развитія страны необходимо устранить самодержавіе, какъ политическую форму, не соотвѣтсвующую болѣе современнымъ условіямъ, тормозящую всякій прогрессъ и ведущую народъ къ гибели.

Противорѣчія современной Россіи были еще обострены и увеличены злосчастной войной, вызванной жадной и неспособной бюрократіей. Война увеличила экономическія затрудненія, вызвала еще большій упадокъ земледѣлія, создала промышленный кризисъ, превосходящій своей остротой всѣ предыдущія экономическія заминки. Она увеличила и такъ уже тяжелые государственные долги,

она окончательно подорвала государственный кредитъ и привела страну къ банкротству.

Несчастная война съ Японіей поглотила громадныя деньги. Въ 1904 г. на войну израсходовано около 677 милліоновъ рублей, въ 1905 г.—1 милліардъ и въ 1906 г. ассигновано на оплату расходовъ, связанныхъ съ войной, 405 милліоновъ руб., — итого за три года 2,082 милліона рублей. А погубленный флотъ, потерянные Портъ-Артуръ и Дальній съ ихъ крѣпостными сооруженіями, манчжурская желѣзная дорога, полъ-Сахалина, артиллерія и вооруженіе полевыхъ войскъ? — Эти потери стоятъ не менѣе 1 милліарда. Но къ тремъ милліардамъ государственныхъ потерь на японской войнѣ надо прибавить павшія главной своей тяжестью на крестьянъ и рабочій классъ неисчислимыя потери сотенъ тысячъ семействъ, лишившихся на время а, большей частью, навсегда своихъ работниковъ и кормильцевъ. А кто оцѣнитъ жизнь тѣхъ сотенъ тысячъ русскихъ людей, которыхъ правительство похоронило на поляхъ Манчжуріи и въ волнахъ Великаго океана? Объ этихъ потеряхъ министръ финансовъ, подсчитывающій въ своемъ докладѣ расходы по японской войнѣ, умалчиваетъ.

Война снова съ очевидностью показала неспособность русской бюрократіи къ исполненію функцій, на нее возложенныхъ. Продажность и казнокрадство пустили такіе глубокіе корни въ русскомъ чиновничествѣ, что о правильномъ веденіи государственнаго хозяйства не можетъ быть и рѣчи. Это повело Россію къ цѣлому ряду позорныхъ пораженій и за войной остается та заслуга, что она окончательно разоблачила всю негодность нашего политическаго строя. Желѣзныя дороги, поглотившія колоссальныя суммы, оказались плохо построенными, крѣпости и

броненосцы — негодными, запасы — раскраденными. Портъ-Артуръ, Цушима, Мукденъ и цѣлый рядъ другихъ не менѣе позорныхъ пораженій произнесли смертный приговоръ русскому самодержавію. Война такимъ образомъ приблизила развязку и является началомъ конца. Она увеличила недовольство страны и вызвала революцію съ ея энтузіазмомъ и ужасами, революцію, которая въ концѣ концовъ должно кончиться пораженіемъ самодержавія.

Студенческія волненія, аграрные безпорядки, стачки политическаго характера, кровавыя демонстраціи, террористическіе акты, политическія убійства давно извѣстны въ Россіи. Они за послѣдніе годы все учащались и грозно предвѣщали приближеніе революціи. Но правительство оставалось глухимъ и слѣпымъ къ этимъ знаменіямъ времени, оно знало противъ народнаго недовольства только одно лѣкарство — тюрьмы и пули. Оно сѣяло бурю и пожинаетъ теперь громъ революціонной борьбы.

На путь открытой революціи Россія вступила 9. января 1905 года, когда 200,000 рабочихъ Петербурга, подъ руководствомъ священника Гапона, направились къ зимнему дворцу, для того чтобы просить помощи и защиты у царя. Въ намѣреніи рабочихъ массъ не было ничего революціоннаго, скорѣе наоборотъ, оно вытекало изъ наивной вѣры народа въ своего царя. Революціонный характеръ этому шествію придало само правительство, разстрѣливая мирную толпу рабочихъ и убивая невинныхъ дѣтей и женщинъ. Это преступленіе наконецъ переполнило чашу долготерпѣнія русскаго народа и съ 9. января 1905 года начинается русская революція. Мы начнемъ съ разсмотрѣнія этого знаменательнаго дня.

Глава вторая.

9. января.

Искрой, которая зажгла пожаръ, было одно изъ самыхъ обычныхъ столкновеній труда съ капиталомъ, — стачка на одномъ заводѣ. Интересно однако, что эта стачка 12,000 путиловскихъ рабочихъ, вспыхнувшая въ понедѣльникъ, 3. января, была больше всего стачкой во имя пролетарской солидарности. Поводомъ послужило увольненіе четырехъ рабочихъ. Когда требованіе о возвращеніи ихъ не было удовлетворено, заводъ сталъ сразу, очень дружно. Стачка носила вполнѣ выдержанный характеръ. Рабочіе отрядили нѣсколько человѣкъ охранять машины и прочее имущество отъ какой-нибудь возможной порчи со стороны менѣе сознательныхъ. Затѣмъ ими была отряжена депутація на другіе заводы съ сообщеніемъ своихъ требованій и приглашеніемъ примкнуть къ стачкѣ. Тысячи и десятки тысячъ рабочихъ стали примыкать къ движенію.

Организацію стачки, какъ извѣстно, взяло на себя „Общество русскихъ рабочихъ“, созданное людьми, близко стоящими полиціи, подъ руководствомъ охраннаго отдѣленія. По совѣту извѣстнаго сыщика, Зубатова, такія организаціи создавались въ различныхъ мѣстахъ съ цѣлью

отвлечь рабочихъ отъ политической борьбы и придавать рабочему движенію исключительно экономическій характеръ. Самой видной организаціей этого рода было „Общество русскихъ рабочихъ“ въ Петербургѣ, имѣющее тамъ одиннадцать отдѣловъ и распространенное по всему городу.

На собраніи нарвскаго отдѣла этого общества 2. января была рѣшена стачка. Во главѣ ея сталъ священникъ Гапонъ, уже 8 мѣсяцевъ бывшій предсѣдателемъ общества и пользовавшійся большой популярностью среди рабочихъ.

Въ первый день стачки рабочіе собирались въ своемъ клубѣ, мирно ходили толпой по улицамъ района, выслушивали ораторовъ и сами обсуждали свои дѣла. Стачка быстро распространилась и во вторникъ забастовалъ уже весь Невскій районъ. На рабочихъ собраніяхъ помимо мѣстныхъ требованій, носящихъ чисто экономическій характеръ, все чаще обсуждаются общія требованія и чисто политическіе вопросы. Гапонъ ни единымъ словомъ не протестуетъ, наоборотъ, поддерживаетъ эти требованія и во главѣ депутаціи предъявляетъ ихъ администраціи завода. Когда же онѣ отвергаются, то Гапонъ возвращается въ собраніе и ведетъ сильную агитацію за всѣ экономическія требованія, призывая рабочихъ къ единодушію и выдержкѣ, обѣщая имъ, что и другіе районы забастуютъ, такъ какъ требованія эти общи всѣмъ рабочимъ.

Со вторника Гапонъ переноситъ свою агитацію на другіе районы, начинается броженіе и въ другихъ фабричныхъ центрахъ. Во вторникъ же, въ Невскомъ районѣ, гдѣ имѣется 45,000 рабочихъ, происходитъ большое собраніе рабочихъ въ клубѣ „Общества“. Въ этотъ же день забастовало два завода.

Въ четвергъ, 6. января праздникъ и народу особенно много. Собираются со всѣхъ заводовъ. Петровъ и другіе

агитаторы, а также двое-трое рабочихъ ораторовъ убѣждаютъ рабочихъ держаться крѣпко и на завтра принудить еще не забастовавшіе заводы бросить работу. Возбужденіе массы растетъ, она требуетъ все новыхъ и новыхъ рѣчей, брошюръ, листковъ. Нужно отмѣтить, что масса рабочихъ, въ высшей степени сѣрая, неблагопріятно реагировала на рѣзко выраженныя политическія требованія. Лозунгъ „долой войну", по неосторожности высказанный кѣмъ-нибудь слишкомъ преждевременно, безъ надлежащихъ „подходовъ", вызывалъ возраженія: „война нужна, япошекъ вздуть" — находившія поддержу. На помощь тогда выходилъ другой ораторъ, который путемъ вопросовъ выяснялъ вредъ войны: „Много ли у насъ своей земли, товарищи?" „Много" — реветъ толпа. „Нужна ли намъ Манджурія?" Нѣтъ, нѣ-ѣтъ — реветъ толпа. „Кто платитъ за войну, на чьи деньги ведется она?" „Мы-ы-ы!" — раздается единогласный крикъ. — „Мрутъ ли наши братья, остаются ли ваши жены, дѣти безъ куска хлѣба? Такъ ли?" „Т-а-а-акъ". И въ такомъ родѣ, пока на вопросъ: „Такъ нужна ли намъ война?" толпа не отвѣтитъ: „нѣтъ, не нужна" и затѣмъ уже сама кричитъ „долой войну".

Еще труднѣе приходилось съ „долой самодержавіе". Но и тутъ, понятно, каждому изъ агитаторовъ удавалось обрисовать такую мрачную картину нищеты и безправія и поставить ее въ связь съ существуюшимъ режимомъ, что толпа сама кричала „долой самодержавіе". Но это было не всегда. Раздавались возраженія. Способствовали этому члены „общества" и ихъ предводитель Петровъ, увѣрявшіе, что все зло происходитъ отъ слугъ царя, онъ же самъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ. Петровъ откровенно сознавался, что онъ дѣлаетъ это только по-

тому, что масса еще твердо вѣритъ въ царя и нельзя ничего добиться, если сразу разбивать эту вѣру.

Въ четвергъ вечеромъ, въ Невскомъ районѣ, въ Смоленской школѣ происходитъ рабочая вечеринка съ либералами. Является на нее огромное количество народу, рабочихъ и интеллигентовъ. Въ то время, какъ въ главной залѣ шли либеральныя рѣчи, въ двухъ другихъ состоялись рабочія сходки, на которыхъ дѣятально обсуждались событія. Трудно забыть впечатлѣніе, произведенное этой вечеринкой. Можно было думать, что находишься въ брюссельскомъ Maison du Peuple; свободныя рѣчи самихъ рабочихъ, отсутствіе явной полиціи — все это давало картину того недалекаго будущаго, къ которому стремится народъ. Воодушевленіе, царившее на вечеринкѣ, было небывалое. Чувствовалась атмосфера борьбы и готовность продолжать ее неуклонно.

Такъ закончился 4-й день стачки. На слѣдующій день, въ пятницу 7, партія сознательныхъ рабочихъ, имѣя во главѣ одного изъ агитаторовъ-интеллигентовъ, съ ранняго утра отправилась по заводамъ, останавливала работу и къ 8—9 ч. утра весь Невскій районъ съ 45,000 рабочихъ стоялъ. Окончательно забастовали въ этотъ день Обуховскій, Ижорскіе, Пороховые и др. заводы. Громадными толпами стекались рабочіе къ „клубу" и слушали весь день какъ въ залѣ, такъ и на дворѣ, ораторовъ-гапоновцевъ, говорившихъ лишь объ экономическихъ требованіяхъ, и соц.-дем., призывавшихъ и къ политической борьбѣ, приглашавшихъ требовать созыва Учредительнаго Собранія, разъяснявшихъ необходимость для рабочихъ сплотиться въ одну могучую партію. Въ то же время идутъ массовки по квартирамъ. Тутъ начинаетъ чувствоваться недостатокъ въ ораторахъ, въ листкахъ. Въ ат-

мосферѣ борьбы, подъ вліяніемъ пламенныхъ рѣчей ораторовъ сознательность массы растетъ не по днямъ, а по часамъ. Рабочіе все чаще и чаще просятъ листковъ, а ихъ нѣтъ. Картина собранія въ этотъ день особенно грандіозна. Представьте себѣ длинную, узкую залу, вмѣщающую человѣкъ 600—700, всю биткомъ набитую мужчинами и женщинами. На одномъ концѣ сцена-эстрада. На ней предсѣдатель и ораторы. Жара невыносимая. Отъ духоты голова кружится. Но нужно говорить, говорить безъ конца. Все время подходятъ депутаціи отъ забастовавшихъ заводовъ со своими требованіями, которыя прочитываются вслухъ.

Между тѣмъ, Гапонъ, со вторника уже расширившій свою программу, разъѣзжалъ по всѣмъ районамъ и всюду приглашалъ рабочихъ крѣпко стоять на своемъ, обѣщая имъ, что они добьются улучшенія своего положенія. Священническій санъ его, симпатичная наружность и простая рѣчь имѣли огромное вліяніе на массу. „Ужъ если самъ попъ идетъ противъ чиновниковъ и капиталистовъ, то, значитъ, наше дѣло правое", говорили рабочіе. Самъ же Гапонъ перетерпѣвалъ эволюцію влѣво. Онъ, очевидно, не ожидалъ, что будетъ имѣть такой успѣхъ; врядъ ли онъ думалъ найти такую солидарность среди рабочихъ. Когда же онъ увидѣлъ все это, онъ уже въ четвергъ, ко всѣмъ требованіямъ экономическаго характера, прибавляетъ требованія политическія: амнистія политическихъ, отдѣленіе церкви отъ государства, всеобщее обученіе, учредительное собраніе.

Уже съ четверга по городу ходили тревожные слухи; говорили, что рабочіе, непремѣнно, устроятъ демонстрацію въ воскресенье. Какъ то естественно казалось, что, если идетъ общая забастовка, то неминуемо должна быть демонстрація. Тѣ же толки шли и въ районахъ. Въ какую

форму выльется демонстрація, никто не зналъ. Всѣ знали, что она должна быть. Когда Гапонъ встрѣтился съ этой увѣренностью, когда онъ увидѣлъ, что масса такъ приподнята и наэлектризована; что она въ городъ пойдетъ, въ немъ возникла идея челобитни. Пойти къ царю: либо онъ дастъ требуемое, либо будетъ возстаніе. И въ четвергъ вечеромъ онъ уже составляетъ свою петицію и съ пятницы начинаетъ читать ее по всѣмъ районамъ. Всюду онъ увѣряетъ рабочихъ, что одно имъ остается, это — идти прямо къ царю, просить помощи и защиты, чтобы узнать, есть ли царь; идти мирно, спокойно, но съ оружіемъ, чтобы защищаться отъ полиціи, если она нападетъ. Въ пятницу утромъ онъ присылаетъ въ Невскій районъ свое предложеніе. Собраніе состоялось поздней ночью. „У меня 100,000 рабочихъ, я иду съ ними ко дворцу подать петицію; если не исполнятъ, то сдѣлаемъ революцію, согласны ли?“ Соціальдемократія не присоединяется къ идеѣ петиціи, но идетъ вмѣстѣ съ массой, принимаетъ участіе въ движеніи. Гапонъ выражаетъ желаніе переговорить съ соціальдемократами и такъ какъ въ пятницу вечеромъ онъ долженъ пріѣхать въ Невскій районъ прочесть свою петицію, то тамъ устраивается на одной рабочей квартирѣ совѣщаніе.

Усѣвшись вокругъ стола, собесѣдники начали разговоры. Гапонъ — красивый мужчина, брюнетъ, съ задумчивымъ, симпатичнымъ лицомъ. Усталость видна на его лицѣ. Голосъ его охрипъ. На предложенные ему вопросы, онъ отвѣчаетъ слѣдующее: „Масса въ настоящее время до того наэлектризована, что ее можно повести куда угодно. Мы идемъ въ воскресенье ко дворцу и подаемъ петицію. Если насъ всѣхъ пропустятъ безпрепятственно, мы пройдемъ на площадь и вызовемъ царя изъ Царскаго

Села. Будемъ ждать его до вечера. Когда онъ прiѣдетъ, я пойду къ нему съ депутацiей изъ нѣсколькихъ рабочихъ, предъявлю ему петицiю и скажу: Ваше Величество, такъ нельзя, пора дать народу свободу. — И если онъ согласится, то мы потребуемъ, чтобы онъ клятву далъ передъ народомъ. Тогда только мы уйдемъ и станемъ на работу. Но прежде всего, съ понедѣльника же будемъ работать 8 часовъ. Теперь, если насъ задержатъ на окраинахъ, мы будемъ просить, умолять, чтобы пропустили; если же не пропустятъ, мы силой прорвемся.

Заднiе ряды будутъ напирать на переднiе, и вся масса прорвется черезъ войска. Допустимъ, что мы прорвались; мы идемъ на площадь, тамъ будутъ войска, мы просимъ ихъ перейти на нашу сторону. Если насъ будутъ бить, мы отвѣчаемъ тѣмъ же; будутъ жертвы, но часть войскъ перейдетъ на нашу сторону, и мы тогда, будучи, кромѣ того, сильны количествомъ, устроимъ революцiю. Устроимъ баррикады, разгромимъ оружейные магазины, разобьемъ тюрьму, займемъ телефонъ и телеграфъ, — словомъ, устроимъ революцiю.“

Слѣдующiй день весь прошелъ въ такой лихорадочной работѣ, какую трудно было бы ожидать отъ людей, утомленныхъ безсонными ночами и непрерывной работой. Весь день непрерывно шло одно собранiе за другимъ. Прочитывалась петицiя, объяснялся каждый пунктъ ея, исчерпывался каждый вопросъ; затѣмъ, другой ораторъ произносилъ горячую рѣчь, приглашая всѣхъ на слѣдующiй день притти въ 9 часовъ съ женами и дѣтьми, съ провiантомъ и теплой одеждой и оружiемъ на всякiй случай! Говорили и гапоновцы, и соцiальдемократы. Энтузiазмъ толпы доходилъ до апогея. Ораторовъ соцiальдемократовъ привѣтствовали, руки имъ жали, проходу на

улицѣ не давали и требовали листковъ и листковъ! А ихъ не было и не было!... На дворѣ одинъ ораторъ соціальдемократъ взлѣзъ на вышку и оттуда говорилъ кратко, но выразительно и горячо передъ тысячной толпой, восторженно его привѣтствовавшей. А въ „клубѣ“ каждый часъ, каждые полчаса мѣнялась публика, входила новая смѣна и ораторы говорили, говорили до хрипоты. Тоже самое происходило во всѣхъ районахъ. Всюду приводились отдѣльные пункты петиціи, всюду толпа давала грозную клятву умереть, но не уйти, пока не исполнятъ требованій ея. Къ вечеру всѣ разошлись съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день собраться вмѣстѣ. Насталъ день девятаго января. Но что же дѣлали полиція и власти въ это время?

Въ городѣ царила полная растерянность и хаосъ. Въ субботу городъ былъ объятъ паникой. Говорили, что будетъ бойня, что рабочіе бунтуютъ, что они придутъ грабить и убивать: охрана совершенно растерялась. Или, можетъ быть, наоборотъ, она дѣйствовала, вѣрнѣе, бездѣйствовала по приказанію свыше тѣхъ, кому нужно было устроить бойню. Легко было арестовать Гапона во время его разъѣздовъ по городу. Легко было выслѣдить ораторовъ; легко было въ пятницу еще окружить войсками всѣ клубы и, хотя бы цѣной кровопролитія, закрыть ихъ и арестовать говорившихъ. Но кому-то нужно было устроить бойню въ центрѣ, а не только арестовать главныхъ. Нужно было показать призракъ революціи, чтобы разъ навсегда кончить „весну“. Нѣтъ сомнѣнія, можно было бы предотвратить „демонстрацію“ — или, самое большее — превратить ее изъ мирной, носящей характеръ челобитни, въ революціонную, съ незначительнымъ числомъ участниковъ. Но „тамъ“ этого не хотѣли. Партія мракобѣсія не могла упустить выгоднаго случая.

Въ субботу вечеромъ въ царскосельскомъ совѣтѣ было постановлено, что манифестація будетъ подавлена оружіемъ.

Съ ранняго утра 9. января городъ принялъ характеръ военнаго лагеря. По всѣмъ направленіямъ шли полки кавалеріи и пѣхоты, артиллеріи, походные лазареты, кухни. Шла вся гвардія. Казаки конвоя „Его Величества" (красные) и атаманскіе (синіе). По направленію ко всѣмъ окраинамъ были отправлены кавалерія и пѣхота. Площадь Зимняго Дворца была окружена артилеріей, кавалеріей и пѣхотой. На всѣхъ главныхъ перекресткахъ, на Лиговкѣ, на Дегтярной, на Сѣнной, на Михайловской и т. д. были расположены войска. Конокъ никакихъ не было. Въ Невскомъ районѣ къ 9-ти часамъ собралась огромная толпа народу. Улицы также кишѣли рабочими. Ровно въ 9 часовъ толпа двинулась, растянувшись версты на двѣ, не особенно густо. Пройдя версты полторы, она была встрѣчена заставой изъ 120 казаковъ. Часть была спѣшившись, часть сидѣла на коняхъ со сверкавшими на солнцѣ саблями. Толпа остановилась. Образовался плотный заторъ изъ тысячъ пяти. Остальные растянулись позади. Изъ толпы вышли рабочіе, (между ними Петровъ) и начали просить офицера пропустить, на что офицеръ отвѣтилъ: „никакъ невозможно, разойдитесь!" Долго длились переговоры. Одинъ старикъ бросился на колѣни и сталъ раздирающимъ душу голосомъ просить солдатъ пропустить ихъ, призывалъ не стрѣлять; указывалъ, что они сами были и будутъ рабочими. Когда ничто не помогло, онъ бросился къ толпѣ на колѣняхъ и призывалъ всѣхъ умереть, исполнить клятву. Одинъ моментъ запѣли даже „Коль славенъ", но это было прекращено во время. Разстояніе между войсками и толпой было такое незначительное, что

размахивая саблями, казаки, стоя неподвижно, ранили трехъ человѣкъ. Когда казалось, что вотъ, вотъ казаки бросятся, вся толпа легла на землю. Наконецъ офицеръ велѣлъ стрѣлять и было дано три залпа. Всѣ упали, но никто не былъ раненъ. Очевидно, либо залпы были холостые, либо роздано лишь немного боевыхъ патроновъ и солдаты стрѣляли вверхъ. Впечатлѣніе отъ залповъ получилось удручающее. Толпа не рѣшалась броситься впередъ, видя штыки и сабли и начала поддаваться обратно. Такъ продолжалось около часу. Можно было ожидать еще залповъ. Офицеръ, однако, своимъ правомъ не воспользовался и лишь стоялъ непоколебимо на томъ же мѣстѣ. Тогда рѣшено было итти окольными путями; многіе бросились впередъ на Неву и огромное большинство пробралось въ городъ.

Что касается другихъ районовъ, то дѣло представляется въ такомъ видѣ: за Нарвской заставой толпа шла съ иконами, хоругвями, имѣя во главѣ Гапона и еще одного попа. Произошли тамъ, какъ и за Невской заставой, переговоры съ солдатами и офицеромъ, а затѣмъ пальба. Выступилъ одинъ гимназистъ, обнявшись съ рабочимъ, сказалъ рѣчь, и оба были убиты. Дано было всего 5 боевыхъ залповъ. Гапонъ упалъ, но не былъ даже раненъ и его унесли и спрятали. Тоже самое происходило приблизительно во всѣхъ районахъ: стрѣляли въ толпу, шедшую съ Петербургской Стороны къ Троицкому мосту, гдѣ ихъ встрѣтили солдаты. Стрѣляли у Литейнаго моста и на Васильевскомъ Островѣ. Всюду, кромѣ Невскаго района, офицеры воспользовались своимъ правомъ стрѣлять боевыми патронами и всюду было много убитыхъ. Курьезно, что за Нарвской заставой былъ убитъ околоточный, шедшій рядомъ съ толпой и тамъ же тяжело

раненъ помощникъ пристава. Нигдѣ толпа не оказывала сопротивленія, кромѣ Васильевскаго Острова, гдѣ рабочіе устроили баррикады, предварительно разгромивъ оружейный магазинъ. Въ городѣ между тѣмъ происходило нѣчто неописуемое. Съ 12 часовъ, толпы рабочихъ пробрались на Невскій, и, такъ какъ ихъ не пускали на площадь, то они заполнили Невскій до Полицейскаго моста, Гороховую, Морскую, Адмиралтейскую, Александровскій садъ, Мойку. Кромѣ того, густыя толпы рабочихъ вмѣстѣ съ другими ходили по Невскому и образовали огромные заторы на всѣхъ мостахъ, на перекресткахъ, на Казанской площади, на Садовой, въ Гостиномъ дворѣ. Проѣздъ былъ свободенъ, хотя и съ трудомъ, по Невскому до Полицейскаго моста. Невскій, Морская, площадь, были покрыты войсками; ежеминутно наскакивали казаки, толпа разбѣгалась, чтобы снова сойтись. Вездѣ тишина, ни одного возгласа. На главныхъ пунктахъ бойни, на углу Морской, у Александровскаго сада, на Мойкѣ, толпа вела себя совершенно спокойно: ни звука, другъ друга сдерживали. И вотъ въ бѣшенствѣ передъ этой непоколебимо-спокойной, несдвигаемой лавиной, которая не выходила изъ себя, не бросалась, а спокойно ждала депутацію, будучи увѣрена, „что слуги царя не допускаютъ, а царь то хочетъ" — и не уходила, офицеры начали стрѣлять. Безъ предупрежденія былъ данъ рожокъ-сигналъ. Никто ничего не понялъ, до того невѣроятно было, чтобы стрѣляли. Раздались три залпа и стоны огласили воздухъ. Раненые первымъ залпомъ добивались вторымъ. Раздались проклятія, плачъ. Толпа обезумѣла, бросилась на солдатъ, но встрѣчала штыки и отходила. Нѣсколько сотенъ людей падаютъ. Большинство — дѣти, женщины, молодежь.

Въ 5 часовъ толпа была уже растерзана, разбита, отброшена. Женщины, дѣти, обезумѣвъ, бѣгутъ, скользатъ, падаютъ, встаютъ, чтобы упасть опять. Опятъ команда, опять валятся жертвы. Расправа была безпощадна.

Потянулась печальная процессія убитыхъ и раненыхъ по Гороховой. Никакихъ мѣръ не было принято, не было каретъ скорой помощи, трупы и раненые лежали часами въ саду и на улицахъ, пока ихъ не убирали изъ публики же. Кровью былъ снѣгъ покрытъ кругомъ. Передъ первыми выстрѣлами нѣсколько рабочихъ бросились врередъ и раскрыли свою грудь передъ дулами. Они были убиты. Затѣмъ бойня быстро пошла впередъ. Та же рота, подъ руководствомъ капитана Свѣцинскаго (былъ раненъ во время убійства Плеве), стала на углу Морской и Невскаго и дала въ мирную не ожидавшую ничего толпу три залпа. Снова раненые и убитые. На углу Мойки и Невскаго, у дома Строганова стояла огромная толпа, прибитая, жалкая. По ту сторону стоялъ взводъ; офицеръ первый выстрѣлилъ изъ револьвера, — „пли", и тремя залпами онъ очистилъ Мойку. 25 человѣкъ остались лежать, среди нихъ старикъ, затѣмъ двѣ пожилыя дамы, студентъ и рабочіе. Убивались сѣдоки на извозчикахъ, убивались извозчики. Несмотря на выстрѣлы, толпа все-же не расходилась; въ 7 часовъ вечера еще раздавались залпы на Казанской площади, на Сѣнной. Много, много было жертвъ. Весь вечеръ не прекращалось скопленіе публики. До поздней ночи казаки, не переставая, наѣзжали на тротуары и били саблями.

На Васильевскомъ островѣ рабочіе устроили на скорую руку барикаду. Но она была взята первымъ натискомъ войскъ. Также и здѣсь число убитыхъ и раненныхъ было значительно.

Всю ночь съ воскресенья на понедѣльникъ улицы и мосты охранялись солдатами. Къ утру, по распоряженію кн. Васильчикова, руководившаго подавленіемъ возстанія, всѣ посты и патрули были еще усилены. Кн. Васильчиковъ отдалъ приказъ „стрѣлять только въ крайнемъ случаѣ", а разгонять толпу казацкими нагайками.

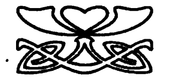
Весь городъ имѣлъ видъ осажденнаго. Магазины, рестораны, театры, — все закрыто. Правительственныя учрежденія закрылись, потому что чиновники разбѣжались. Разнесся слухъ, что рабочіе хотятъ взорвать всѣ присутственныя мѣста.

Судъ запертъ, адвокаты объявили, что не могутъ защищать, когда кругомъ льется кровь. Вечеромъ на улицахъ темно. Электричество горитъ только въ немногихъ кварталахъ. Жителямъ центральныхъ частей предложено не выходить изъ дому, послѣ того, какъ будутъ погашены огни. Но и днемъ выходить опасно. Стрѣльба то разгорается, то смолкаетъ по всему городу. Около Балтійскаго вокзала и на другихъ окраинахъ стрѣльба по рабочимъ производилась едва ли не съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ и наканунѣ.

Черезъ нѣсколько дней городъ успокоился, но народная совѣсть окончательно проснулась 9. января. Царь убилъ наивную вѣру народа въ себя, онъ въ этотъ день подписалъ смертный приговоръ самодержавію.

Негодованіе противъ преступнаго правительства разлилось по всей странѣ широкой волною. Какъ протестъ противъ звѣрскаго насилія, во многихъ городахъ вспыхнули всеобщія стачки и революціонная борьба стала усиленнѣе и напряженнѣе. Въ нѣдрахъ страны подготовлялись слѣдующіе акты революціи.

Чтобы слѣдить за ними, мы должны перенестись мысленно съ холоднаго сѣвера на фантастически красивое Черное море, сіяющее вѣчною красотою подъ жаркими лучами южнаго солнца.

Глава III.

Возставшій броненосецъ.

Уже нѣсколько лѣтъ въ черноморскомъ флотѣ велась революціонная пропаганда. Между матросами распространялись нелегальные листки и брошюры, создавая революціонное настроеніе и возбуждая умы противъ царскаго самодержавія.

Въ 1905 году число революціонно настроенныхъ матросовъ сильно возросло. Былъ созданъ даже слѣдующій планъ всеобщаго возстанія.

Когда эскадра начнетъ компанію и пойдетъ на Тендровскій полуостровъ, то на извѣстномъ кораблѣ зажгутъ ракету. Тогда команда всѣхъ судовъ должна забрать винтовки и съ крикомъ: „Да здравствуетъ свобода!“ кинуться по каютамъ, перебить нелюбимыхъ офицеровъ, а хорошихъ высадить на берегъ. Флотъ же, освободившись отъ начальства, долженъ былъ сняться съ якоря и итти въ Одессу, требовать тамъ превращенія арміи въ національную гвардію и поставить народное правленіе. Далѣе предполагалось выпустить изъ тюремъ всѣхъ политическихъ заключенныхъ.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы флоту дѣйствительно удалось приступить къ осуществленію этого

этого плана. Но этому помѣшало неожиданное возстаніе на одномъ броненосцѣ, вызванное мѣстными причинами.

Дѣло разыгралось 14-го іюня 1905 года на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій“ въ Тендровскомъ заливѣ и началось съ самаго обыкновеннаго въ солдатской жизни явленія: съ червиваго мяса. Утромъ, скатывая палубу, матросы замѣтили, что въ привезенномъ для нихъ изъ Одессы мясѣ копошатся черви. Начались разговоры, дѣлались примѣчанія. Командиръ броненосца, капитанъ перваго ранга Евгеній Голиковъ, позвалъ доктора Смирнова, который осмѣтрѣлъ мясо и доложилъ, что оно даже очень хорошее, что нужно только смыть водою червей.

Во время обѣда часть команды пошла пить вино, другая часть собралась обѣдать, но отказалась ѣсть борщъ, сваренный изъ червиваго мяса. Матросы ѣли хлѣбъ съ водой и просили, чтобы имъ вмѣсто обѣда сварили чай.

Снова появился на палубу командиръ, и задалъ вопросъ:

„Ребята, отчего вы не кушаете борщу?“

„Кушай самъ, а мы будемъ ѣсть хлѣбъ и воду“ — былъ отвѣтъ.

Забили тревогу. Вся команда, какъ одинъ человѣкъ, пошла на ютъ броненосца и стала во фронтѣ. Командиръ произнесъ:

„Ребята, кто хочетъ кушать борщъ, выйди сюда!“ Вышли только боцманы и нѣкоторые унтерофицеры.

Видя это, командиръ приказалъ:

„Караулъ наверхъ!“

Черезъ минуту караулъ сталъ на мѣсто. Команда струсила и вся перешла въ кучу къ башнѣ. Старшій офицеръ, не давъ этой части матросовъ смѣшаться съ другими, приказалъ караулу оцѣпить ее и переписать.

Команда стояла блѣдная и страшно напряженная, видя своихъ товарищей оцѣпленными карауломъ.

Старшій офицеръ крикнулъ:

„Боцманъ, давай брезентъ!“

Это для того, чтобы накрыть команду брезентомъ и по ней стрѣлять. Тутъ раздается крикъ:

„Братцы, что они дѣлаютъ съ нашими товарищами! Забирай винтовки и патроны! Бей ихъ!“

Тутъ только этого и надо было: команда вся бросилась въ батарейную палубу и забрала винтовки. Нашли также патроны, зарядили ружья и пошли обратно на ютъ освобождать товарищей. Въ батареѣ раздаются крики: „Да здравствуетъ свобода! Долой войну! Долой самодержавіе!“

Командиръ Голиковъ велѣлъ ближайшему солдату отложить ружье. Когда тотъ отказался, испуганный командиръ скрылся. На палубѣ остались Гиляровскій и Неупокоевъ, но и они пытались бѣжать. Неупокоевъ тамъ же былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ и трупъ его выброшенъ за бортъ. Гиляровскій же пробрался въ сосѣднее отдѣленіе палубы, гдѣ успѣлъ убить матроса Вакуленчука, около трупа котораго потомъ концентрировалось Одесское движеніе. Матросы убили Гиляровскаго и выбросили его за бортъ.

Въ этотъ моментъ представляется ужасная и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественная картина. Восемь сотъ человѣкъ кричатъ:

„Смерть тиранамъ! Да здравствуетъ свобода!“

Залпы матросовъ трещатъ по уплывающимъ офицерамъ, которые бросились въ море, чтобы искать спасенія на миноносцѣ № 267, сопровождавшемъ броненосецъ.

Въ это время выходитъ минный офицеръ В. Тонъ. Команда закричала: „За бортъ его!“ Онъ, увидя матроса, котораго считалъ зачинщикомъ возстанія, позвалъ его въ сторону, говоря, что желаетъ съ нимъ поговорить. У башни Тонъ выхватываетъ револьверъ и даетъ два выстрѣла въ матроса. Но онъ промахнулся и матросъ въ это время выстрѣлилъ въ него. Еще раздалось десять выстрѣловъ и мертвое тѣло Тона упало на палубу. И его выбросили въ море.

Тутъ раздаются голоса:

„Гдѣ командиръ? Дай сюда командира!“

Голиковъ находился въ адмиральскомъ помѣщеніи. Онъ навѣрно хотѣлъ броситься за бортъ, но видя безполезность такой попытки, вышелъ на палубу. Всходя по трапу на налубу, онъ говорилъ:

„Ахъ, я старый дуракъ! Что я съ командой сдѣлалъ!“

На палубѣ онъ обнялъ матроса, руководившаго возстаніемъ, и говорилъ:

„Великій я грѣшникъ передъ командой, — прости, братецъ!“

— „Я лично противъ тебя ничего не имѣю, какъ команда“, отвѣтилъ матросъ.

Команда закричала:

„На штокъ его, подлеца! Онъ насъ штокомъ пугалъ!“

Другіе кричали:

„Долго возиться, — пулю въ лобъ!“

Его повели дальше на ютъ, раздался залпъ. Командира не стало. Его тоже выбросили за бортъ.

Въ это время доплывшіе до миноносца офицеры снялись съ якоря и хотѣли идти въ Севастополь. На „Потемкинѣ“ зарядили пушку и дали выстрѣлъ по миноносцу.

Послѣ выстрѣла миноносецъ подошелъ къ борту „Потемкина“. Съ него сняли трехъ офицеровъ. Часть команды кричала: „Смерть имъ!“ „За бортъ ихъ всѣхъ!“ Но тутъ вмѣшались матросы соціальдемократы. Они говорили, что корабль уже въ ихъ рукахъ, что нѣтъ нужды проливать больше крови и успокоили команду. Офицеровъ взяли подъ арестъ.

Команда поставила винтовки въ пирамиды и начала чистить палубу броненосца.

Черезъ нѣсколько минутъ машинистъ вытащилъ на палубу младшаго доктора Голенко, котораго нашли спрятавшагося подъ цистернами.

— „Куда его, черта, дѣть?“ —

— „Подъ арестъ его, въ каютъ-кампанію!“

Черезъ десять минутъ привели полковника изъ Обуховскаго завода, который пріѣхалъ сюда для артиллерійскихъ упражненій.

— „Гдѣ вы его нашли?“

— „Въ гардеробномъ ящикѣ. Насилу вытащили его оттуда“, получился отвѣтъ.

Арестовали его и еще нѣсколько офицеровъ, которыхъ нашли въ различныхъ убѣжищахъ.

Наконецъ прибѣжалъ вѣстовой и сообщилъ, что старшій врачъ Смирновъ застрѣлился. Пошли къ нему. Оказалось, что это правда. Умирающій просилъ:

„Дайте, братцы, умереть спокойно!“

— „Отчего же ты говорилъ, что мясо хорошее?“

— „Братцы, я умирая говорю, что я все видѣлъ, но я не имѣлъ права говорить.“

Черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался.

Теперь возставшіе матросы были полными господами броненосца.

Послѣ всего этого, „Потемкинъ“ пришелъ въ Одессу и утромъ 15, матросы перенесли на берегъ трупъ любимаго своего товарища Вакуленчука, павшаго первымъ отъ деспотической руки старшаго офицера. Потомъ они выпустили печатное извѣщеніе о своей готовности примкнуть къ революціонной борьбѣ одесскаго пролетаріата и встать на его зашиту.

Это извѣщеніе произвело сильное впечатлѣніе на возставшихъ уже одесскихъ рабочихъ. На самомъ же суднѣ день 15 іюня прошелъ слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего необходимо было разрѣшить неотложные вопросы самостоятельнаго управленія броненосцемъ. Для этой цѣли были избраны всей командой изъ своей среды человѣкъ 20—25 матросовъ, на обязанности которыхъ и лежало какъ руководство всей дѣятельностью „Потемкина“, такъ и установленіе новыхъ внутреннихъ порядковъ на немъ. Такъ какъ отъ мѣстныхъ одесскихъ соціальдемократическихъ организацій были немедленно посланы представители для объединенія дѣйствій города и броненосца, то городскіе товарищи также были приглашены къ участію въ управляющую коллегію. Сначала ихъ было человѣкъ пять-шесть, но затѣмъ осталось только трое.

Планъ дѣйствій былъ выработанъ таковъ, что необходимо было сначала запастись съѣстными припасами, водой, углемъ и узнать намѣренія остальной эскадры. Послѣднее было въ высшей степени важно, такъ какъ по условію, состоявшемуся еще въ Севастополѣ, большая часть эскадры должна была сдѣлать у себя на суднѣ то же самое и присоединиться къ возстанію. Приступить же къ рѣшительнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ одному

броненосцу, имѣя врага и съ тыла и съ фронта, было больше, чѣмъ рисковано.

Итакъ, рѣшено было наступательныхъ дѣйствій пока не вести. Почти цѣлый день прошелъ поэтому въ нагрузкѣ угля и съѣстныхъ припасовъ.

То и дѣло къ „Потемкину" подъѣзжали шлюпки съ рабочими, привѣтствовали его революціонными возгласами и передавали гостинцы и всякую снѣдь.

Характерно то, что водки не было принято съ берега ни одной бутылки и всѣмъ, привозившимъ ее, заявляли, что теперь надо не водку пить, а свободу завоевывать.

Къ вечеру этого дня вдругъ на горизонтѣ показывается небольшое военное судно, идущее прямо къ „Потемкину". Сначала немножко было насторожились, но потомъ оказалось, что это суденышко безвредное. По приближеніи его былъ отданъ приказъ „стать на якорь". „Вѣха" остановилась и черезъ нѣсколько минутъ явился на шлюпкѣ съ рапортомъ командиръ. Но каково было его удивленіе и ужасъ, когда его встрѣтилъ, вмѣсто командира „Потемкина", простой солдатикъ-матросъ и объявилъ ему, что онъ арестуется. Тутъ же стоявшій караулъ арестовалъ его немедленно и отвелъ подъ арестъ въ адмиральское помѣщеніе.

Остальные офицеры были вытребованы также съ „Вѣхи" и тоже подъ карауломъ были отведены въ адмиральскую.

Здѣсь ихъ вкратцѣ ознакомили съ положеніемъ вещей и заявили, что отнынѣ трудъ и потъ народный, суда и корабли, должны служить интересамъ народа, а не противъ него, и что поэтому мятежники оставляютъ „Вѣху" у себя. Господа же офицеры, какъ наемное слѣпое орудіе

народнаго угнетенія, теперь совершенно здѣсь излишни. Послѣ этого съ нихъ были сняты погоны, оружіе, и они были свезены съ миромъ на берегъ, причемъ каждому изъ нихъ было дано по 100 рублей денегъ на дорогу.

„Вѣху“ же рѣшено было обратить въ госпитальное судно. Туда были перенесены всѣ больные и раненые и командированъ одинъ изъ врачей.

Вся остальная часть дня и вечеръ прошли въ совѣщаніяхъ, установкѣ новыхъ порядковъ и пр. Но на берегу, очевидно съ планомъ матросовъ не считались и возбужденіе массъ было колоссальное.

Всю ночь матросы провели въ страшномъ напряженіи, такъ какъ передъ ними вспыхнула грозная картина пожара всего одесскаго порта. Всю ночь раздавалась неумолкаемая ружейная трескотня и гулъ залповъ. Они хотѣли было открыть орудійную пальбу по набережной, но, во-первыхъ, у нихъ не были установлены на орудіяхъ соотвѣтствующіе приборы для точной стрѣльбы, а во-вторыхъ, они не были увѣрены въ томъ, что на набережной находятся только войска и нѣтъ тамъ народу. Стрѣлять же наугадъ въ городъ они считали безсмысленнымъ вандализмомъ и боялись невинныхъ жертвъ. Поэтому, они рѣшили подождать утра, предполагая къ этому времени получить всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Еще одинъ знаменательный фактъ имѣлъ мѣсто въ этотъ день. Это — прибытіе на возставшее судно трехъ пѣхотныхъ солдатъ депутатовъ. Они пріѣхали отъ имени организованной части своихъ полковъ заявить о своей готовности присоединиться къ возставшимъ, разъ только они приступятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и говорили о томъ, что настроеніе въ массахъ войска самое благо-

пріятное. Конечно, вся команда привѣтствовала ихъ съ восторгомъ.

Этимъ закончился первый день самостоятельной жизни первой россійской плавающей республики.

Утро слѣдующаго дня началось тѣмъ, что рѣшено было сейчасъ же свезти на берегъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ на броненосцѣ офицеровъ, такъ какъ содержаніе ихъ подъ конвоемъ было для команды лишь лишней обузой.

Затѣмъ на берегъ отправили 12 человѣкъ для похоронъ Вакуленчука.

Въ это время къ „Потемкину" опять стали подъѣзжать шлюпки изъ города, привозя самыя трагическія извѣстія. Оказалось, что за ночь было убито больше, чѣмъ 600 человѣкъ рабочихъ, и дальнѣйшимъ избіеніямъ не видно было конца.

Какъ только были получены эти свѣдѣнія, то сейчасъ же была созвана для совѣщанія вся команда. Первое время по вопросу о началѣ рѣшительныхъ дѣйствій произошелъ почти полный расколъ. Но тутъ произнесъ рѣчь одинъ соціалистъ. Говорилъ онъ не долго, но каждое его слово было какъ бы не звукомъ, а частью его наболѣвшей души, частью народной скорби. Въ заключеніе, обращаясь къ оппозиціи, онъ сказалъ: „вотъ мы, соціальдемократы, здѣсь всѣ передъ вами. Насъ всего человѣкъ 200—300, и мы всѣ, какъ одинъ, рѣшили честно умереть за свободу вмѣстѣ съ нашими братьями-рабочими, чѣмъ позорно качаться въ петляхъ отъ рукъ нашихъ кровопійцъ-палачей.

Если вы не согласны съ нами, если вы считаете насъ разбойниками и преступниками, то возьмите сейчасъ же винтовки и перебейте насъ, какъ собакъ. Послѣ этого

вы можете со славой и почетомъ вернуться къ своему прежнему начальству, къ своему отцу и матери.

Васъ наградятъ, васъ встрѣтятъ съ музыкой и почестями."

„Нѣтъ, нѣтъ!!!", раздалось оглушительно изъ сотенъ грудей. „Мы всѣ вмѣстѣ идемъ, мы всѣ вмѣстѣ умремъ за одно дѣло!!"

„Ну, если такъ", продолжалъ ораторъ, „то сегодня же начнемъ бомбардировать городъ и отплатимъ за рабочихъ всѣмъ озвѣрѣвшимъ тиранамъ".

„Согдасны?" — „Согласны", загремѣли всѣ, какъ одинъ.

Послѣ этото рѣшено было приготовиться къ бомбардировкѣ города. Предварительно ораторы постарались всѣми имѣвшимися у нихъ способами извѣстить мирныхъ жителелей Одессы о предполагающейся бомбардировкѣ города и указать имъ мѣсто, гдѣ они могли бы быть въ полной безопасности отъ зарядовъ.

Часовъ въ 5 вечера съ броненосца раздались первые пушечные выстрѣлы. Сначала дали три холостыхъ, какъ салютъ хоронимому товарищу и какъ предупрежденіе, а затѣмъ начали стрѣлять боевыми изъ 6 дюймовыхъ орудій.

Заряды направлялись въ домъ командующаго войсками и въ театръ, около котораго была расположена артиллерія и войско.

Но оба первыхъ заряда сдѣлали перелетъ и не попали въ цѣль. Это страшно огорчило матросовъ и передъ ними всталъ призракъ невинно пролитой, можетъ-быть, братской крови ихъ же собственной рукой.

Поэтому матросы рѣшили пока пріостановить боебую стрѣльбу. Въ это же время они неожиданно пере-

хватили по безпроволочному телеграфу извѣстіе, что гдѣ-то неподалеку находится остальная эскадра.

Ввиду всѣхъ этихъ соображеній, рѣшено было пока не продолжать обстрѣла города, а послать къ командиру войска трехъ депутатовъ отъ возставшихъ матросовъ.

Депутаты должны были категорически потребовать прекращенія народнаго избіенія, освобожденія всѣхъ политическихъ изъ тюрьмы и разоруженія войскъ. Однако, командующій войсками не пожелалъ лично разговаривать съ депутатами, и передалъ лишь черезъ своего полковника, что „богъ и люди имъ судья“ и что онъ не желаетъ вести никакихъ съ ними разговоровъ.

Съ этимъ депутація матросовъ въ полной неприкосновенности вернулась обратно.

Очевидно, рѣшительныя и наступательныя дѣйствія становились неизбѣжны. Однако, для того, чтобы стрѣльба была-бы хоть сколько нибудь цѣлесообразна и не носила-бы характера огульнаго разрушенія, необходимъ былъ точный и топографическій планъ города, а такого не было.

Кромѣ того, они должны были знать, хоть приблизительно, гдѣ и какія части войскъ расположены, а этихъ свѣдѣній тоже не имѣлось. Все это заставляло матросовъ предварительно выждать болѣе благопріятнаго момента.

Съ этими мыслями они и провели ночь съ 16 на 17. Утромъ рано показалась далеко, далеко на горизонтѣ эскадра и скрылась. „Потемкинъ“ зафрахтовалъ частный пароходъ и отправилъ его на развѣдки. Часа черезъ два эскадра вновъ показалась на горизонтѣ. Тогда революціонный броненосецъ быстро снялся съ якоря и въ совершенной боевой готовности, съ рѣшимостью дорого продать свою жизнь, двинулся полнымъ ходомъ на приближающуюся эскадру.

Но лишь только она это замѣтила, какъ повернулась сейчасъ-же обратно и также полнымъ ходомъ скрылась съ глазъ революціонеровъ.

Мы вернулись и стали на прежнее мѣсто.

Эта первая побѣда сильно подняла духъ всей команды. На лицѣ у всѣхъ было написано торжество и сознаніе своей силы, такъ какъ даже для самыхъ темныхъ изъ команды было ясно, что у эскадры не хватило рѣшимости подойти, что эскадра попросту перетрусила и отступила. Команда успокоилась и сѣла обѣдать.

Послѣ обѣда къ вечеру эскадра показалась вновь на горизонтѣ, и, въ составѣ 5 броненосцевъ и цѣлой минной флотиліи, шла на всѣхъ парахъ прямо на „Потемкина" съ видимой цѣлью аттаковать его со всѣхъ сторонъ. Видя, какъ боевая колонна броненосцевъ и миноносокъ приближается, потемкинцы дали сейчасъ боевую тревогу, снялись съ якоря и стремительно пошли на встрѣчу, готовые принять бой и почетно умереть на благо своего измученнаго народа. Пушки, мины и все прочее было готово для самой отчаянной схватки. Грандіозная и величественная картина представилась напряженнымъ взорамъ на берегу, когда грозный красавецъ молча врѣзался въ боевую колонну цѣлой эскадры и раздѣлилъ ее на двѣ части. При этомъ всѣ съ крайнимъ напряженіемъ ожидали только перваго выстрѣла, чтобы пустить въ ходъ всю страшную истребительную машину на дѣло защиты народной свободы.

Но каково же было удивленіе возставшихъ матросовъ, когда съ трехъ изъ броненосцевъ эскадры, вмѣсто пушечныхъ залповъ, грянуло дружное, оглушительное ура!

Вмигъ часть команды побросала пушки, выскочила на верхъ и отвѣтила не менѣе дружными и восторженными криками.

Они кричали своимъ товарищамъ матросамъ, чтобы они сейчасъ-же присоединились къ возстанію и чтобы всѣ они единодушно стали на сторону угнетаемаго русскаго трудящагося люда и объявили немедленно рѣшительный бой вѣковымъ угнетателямъ и тиранамъ.

Въ отвѣтъ раздалось опять дружное „ура“.

Въ это время эскадра прошла къ порту, а „Потемкинъ“ очутился въ морѣ. Боясь быть отрѣзанными отъ своей базы, онъ круто повернулъ обратно и вновь повелъ наступленіе на эскадру, которая пришла въ полное замѣшательство и полнымъ ходомъ стала отступать, держа курсъ на Севастополь.

Было ясно, что на судахъ происходитъ какой-то переполохъ, а поэтому Потемкинъ, повернувшись въ догонку за эскадрой, выжидательно пошелъ за ней тихимъ ходомъ.

Вдругъ одинъ изъ броненосцевъ сталъ постепенно отставать отъ всей эскадры и потомъ, круто повернувшись, пошелъ къ „Потемкину“. Не зная еще его намѣреній, революціонеры не подпускали его близко къ себѣ, дали ему приказаніе немедленно стать на якорь, что онъ и исполнилъ.

Это былъ „Георгій Побѣдоносецъ“, съ котораго передали сигналами, что вся команда „Георгія“ проситъ прибыть къ себѣ на судно депутатовъ отъ „Потемкина“. Депутація быля отправлена немедленно подъ охраной миноносца.

При своемъ приближеніи она была встрѣчена восторженными криками. Первымъ на судно взошелъ одинъ матросъ, который въ своей краткой, но сильной рѣчи изложилъ революціонную исторію возставшаго броненосца, его дальнѣйшія цѣли и намѣренія, призывая въ заключеніе къ солидарности всего флота и къ объединенію для достиженія

одной общей цѣли. Оглушительное „согласны“ было отвѣтомъ на его рѣчь.

Вторымъ взошелъ и говорилъ нѣкто Кириллъ, депутатъ отъ Одесской соціальдемократической организаціи.

Обратившись къ матросамъ, онъ заговорилъ о той безпощадной борьбѣ, которая, разливаясь отъ края до края, охватила въ настоящее время пожаромъ возстанія почти всю многострадальную Россію.

„Измученный, забитый и безправный трудящійся людъ не находитъ больше терпѣнія сносить свое вѣковое униженіе и безправіе. Онъ предпочитаетъ лучше выходить на улицы городовъ и деревень и умирать отъ руки своихъ же сыновей и братьевъ, переодѣтыхъ въ солдатскіе наряды и направляемыхъ на него деспотическими тиранами, истерзавшими своей кровожадностью всю нашу матушку Русь.

„Неужели же мы и дальше будемъ слѣпыми палачами самихъ себя, неужели мы никогда честной смертью не смоемъ проклятья, тяготѣющаго надъ нами, какъ братоубійцами?

„Нѣтъ, мы, матросы „Потемкина“, рѣшили стряхнуть съ себя это тяжелое ярмо убійцы своего же народа. Мы открыто заявляемъ объ этомъ, и отнынѣ мы не только не прольемъ ни одной капли невинной крови нашихъ братьевъ, но и никому не позволимъ проливать ее безнаказанно...“

Взрывъ энтузіазма и буря восторженныхъ криковъ заглушили голосъ оратора.

„Вы, гг. офицеры,“ продолжалъ Кириллъ послѣ минутнаго перерыва, обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, собравшимся въ волненіи плотной кучкой около рубки.

„Вы, — продажные слуги народныхъ тирановъ и слѣпое орудіе ихъ кровавыхъ замысловъ.

„Много невинной крови лежитъ на вашей зачерствѣлой совѣсти.

„Но теперь пришелъ часъ народнаго суда. Ваша роль сыграна. Вы служили старому порядку деспотическаго самодержавія въ качествѣ наемныхъ холоповъ царя и и его сподвижниковъ. Но теперь на смѣну ему грозно и неумолимо надвигается новый порядокъ, порядокъ народной свободы и обновленія всей обветшалой родины. Этотъ часъ для насъ уже наступилъ и вамъ здѣсь теперь не мѣсто. Судно, выстроенное трудомъ и потомъ народнымъ, отнынѣ переходитъ въ его собственныя руки и послужитъ на благо и защиту его, а не на его порабощеніе и угнетеніе.

„Да здравствуетъ народное освобожденіе! Долой тирановъ!

„Именемъ народа всѣ вы немедленно арестуетесь.“

Тутъ раздался выстрѣлъ и трупъ самоубійцы, миннаго офицера, полетѣлъ съ самаго верху и скрылся въ морской глубинѣ.

Вслѣдъ за этимъ раздалась команда „караулъ въ ружье!“ и офицеры съ понурыми головами, блѣдными, вытянутыми лицами, были отведены подъ конвоемъ въ каютъ-кампанію.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ ихъ на катерѣ свезли на берегъ, снявши предварительно съ нихъ погоны и всѣ военныя регаліи.

„Георгій Побѣдоносецъ“ подошелъ и сталъ на якорѣ возлѣ „Потемкина“.

Ликованію и одушевленію не было конца и предѣла.

Затѣмъ часть матросовъ съ „Потемкина“ прибыла на вновь присоединившійся броненосецъ, чтобы помочь ор-

ганизовать на немъ новые порядки. Въ этомъ прошелъ весь остатокъ дня и ночь.

Теперь въ рукахъ революціонеровъ была уже своего рода эскадра. Два броненосца, миноносецъ и „Вѣха“. Въ ихъ головахъ уже рисовались планы завоеванія политической свободы для всего юга Россіи и распространенія ея на всю многострадальную родину.

18-го утромъ рано мятежники уже были всѣ на ногахъ и часть изъ нихъ отправилась опять на „Побѣдоносецъ“. Каково же было ихъ удивленіе и огорченіе, когда по прибытіи туда они уже не нашли вчерашняго единодушія среди команды. Для нихъ было ясно, что всю ночь кто-то велъ усиленную пропаганду разложенія и, дѣйствительно, раскололъ команду на двѣ явно враждебныя другъ другу части. Всякія попытки объединенія встрѣчались одной частью шумомъ, мѣшавшимъ говорить, а съ другой криками и просьбами продолжать революціонныя рѣчи. Однако, мало по малу, удалось разъяснить выгоды солидарности и успокоить обѣ стороны, поднявши снова во всей командѣ духъ бодрости и увѣренности въ своей громадной силѣ.

Послѣ улаженія всего этого приступили къ рѣшенію вопроса — что дѣлать дальше? Тутъ-то опять и обнаружилось, что среди команды образовалась какая-то подпольная группа, поставившая своей задачей пожать лавры предательства и выслужиться своимъ холопствомъ передъ начальствомъ. Эта группа усиленно пропагандировала мысль о необходимости пойти сейчасъ-же на встрѣчу всей остальной эскадрѣ или же въ Севастополь и вступить въ переговоры съ начальствомъ. Когда же ихъ спрашивали, какіе-же это будутъ переговоры и чего же добиваться,

то они тщательно избѣгали прямыхъ отвѣтовъ и говорили весьма туманно, на каждомъ словѣ противорѣча самимъ себѣ.

Только позднѣе соціалисты догадались о причинѣ всей этой неурядицы и спохватились о громадномъ промахѣ, который они сгоряча и на радостяхъ совершенно не предусмотрѣли. Промахъ этотъ, погубившій впослѣдствіи все дѣло, заключался въ томъ, что они не арестовали и не высадили на берегъ, вмѣстѣ съ офицерами, такъ называемыхъ кондукторовъ, этихъ сверхсрочныхъ солдатскихъ шкуръ, у которыхъ 20-тилѣтняя муштра, прислужничество и холопство передъ всякимъ начальствомъ сдѣлались неотъемлемой частью ихъ существа.

Съ большимъ трудомъ революціонерамъ все-таки удалось убѣдить команду не предпринимать ничего, пока „Потемкинъ" не обсудитъ также всѣхъ этихъ вопросовъ. Съ этимъ делегаты уѣхали обратно къ себѣ. Прибывши на свое судно они разсказали, въ чемъ дѣло, и команда единодушно рѣшила, что въ Севастополь она не пойдетъ, а сегодня же вечеромъ ударитъ всей своей силой вооруженія на Одессу, чтобы выгнать оттуда войска, вооружить изъ городского арсенала рабочихъ, установить независимое народное управленіе и обезпечить себѣ, такимъ образомъ, базу и тылъ. А дальше можно было уже соотвѣтствующимъ образомъ встрѣтить и эскадру, если-бы она вновь вздумала сдѣлать нападеніе.

Принявъ такое рѣшеніе, потемкинцы вновь послали своихъ депутатовъ для передачи его „Побѣдоносцу". А сами приступили къ нагрузкѣ угля, котораго удалось раздобыть больше 100,000 пудовъ.

Въ это же время они отправили печатное извѣщеніе къ командующему войсками, заключающее цѣлый рядъ требованій — освобожденіе всѣхъ заключенныхъ изъ

а всѣхъ войскъ, предоставленіе
народа, немедленная доставка
одимаго и пр. и пр. — Въ
го если хотя одно изъ этихъ тре-
илетворено, то броненосцы при-
вкѣ города и постараются силой
уки.
темкинѣ" закричали, что „Побѣ-
оря.
редатель" вздумалъ удариться въ
и депутатами „Потемкина".
али ему вернуться, но онъ при-
Тогда дали боевой сигналъ и
совсѣмъ уже готовы были дать
, какъ они перетрусили и круто

одованію среди команды не было
„Побѣдоносецъ", онъ былъ бы
Потемкина" въ нѣсколько секундъ.
и" добивались своего и вмѣсто того,
е свое мѣсто, они полнымъ ходомъ
завели броненосецъ въ портъ. Черезъ нѣсколько минутъ катера привезли оттуда депутатовъ. Товарищи заявили, что вся команда тамъ вовсе не хотѣла дѣйствовать такъ измѣнически, а что виной всему этому врачъ Голенко, кондуктора и особенно одинъ изъ нихъ, который неосмотрительно былъ выбранъ вчера на постъ командира броненосца.

Послѣдній самъ по своему желанію приказалъ сняться съ якоря и идти въ Севастополь, перевирая всей командѣ сигналы съ „Потемкина" и объясняя ихъ въ смыслѣ слѣдованія его за ними. Только когда „Потемкинъ" далъ боевой

сигналъ, то врать уже стало невозможно и онъ, круто повернувъ судно назадъ, ввелъ его въ портъ и посадилъ на мель. Послѣднее обстоятельство страшно обезкуражило всѣхъ, и даже у самыхъ энергичныхъ опустились на мгновеніе руки и они утратили иниціативу.

Но фактъ тотъ, что единодушія не существовало уже больше среди возставшихъ.

Въ это время кто-то предложилъ ѣхать въ Румынію — чтобы тамъ обдумать спокойно свое дальнѣйшее положеніе.

За это ухватились всѣ, какъ утопающій за соломенку, и судно, побросавши даже уголь и преданную часть товарищей изъ команды „Георгія Побѣдоносца", двинулось въ Румынію.

Въ открытомъ морѣ на пути въ Румынію всѣ немножко отдохнули и привели свои чувства въ порядокъ. Многіе изъ матросовъ не спали до этого по 3 и больше сутокъ и только теперь подкрѣпили себя сномъ и неножко возстановили свои силы. Команда вновь воспрянула духомъ и даже начались во время пути пѣніе, танцы и игры. И это, не смотря на всѣ невзгоды, которыя приходилось выносить и несмотря на то, что, кромѣ сухарей и воды, у нихъ не было другой пищи. Удивительно неунывающая русская натура!

Наконецъ, 20-го іюня „Потемкинъ" прибылъ въ Румынію, въ портъ Констанцу. Его сейчасъ же встрѣтили власти, которыхъ онъ принялъ съ почетомъ и пушечными салютами. Однако, не смотря на такой почетъ, оказанный имъ, они отказались разрѣшить закупить тамъ уголь и провіантъ, а предложили лучше выйти на берегъ и стать подъ ихъ защиту и покровительство.

Команда броненосца вся единодушно отказалась отъ этого предложенія, и рѣшила, что пока есть еще запасъ

угля — тысячъ 15 —, лучше пойти обратно въ Россію, сначала въ Өеодосію, а потомъ, можетъ быть, и на Кавказъ.

Единственное, что „потемкинцы" сдѣлали въ Румыніи, такъ это разослали „манифестъ" ко всему цивилизованному міру и обращеніе „ко всѣмъ европейскимъ державамъ".

И такъ „Потемкинъ" отправился опять въ путь. Въ Өеодосію онъ прибылъ 23-го іюня утромъ часовъ въ девять. Броненосецъ сталъ на өеодосійскомъ рейдѣ, разукрашенный весь флагами и революціоннымъ краснымъ знаменемъ, на которомъ на одной сторонѣ красовалась „Свобода, равенство и братство", на другой: „Да здравствуетъ народное правленіе!".

Лишь только онъ бросилъ якорь, какъ сейчасъ же его депутаты на катерѣ отправились въ городъ. Депутатами поѣхали Кириллъ и еще двое матросовъ подъ охраной вооруженныхъ винтовками матросовъ. На берегу собралась уже огромная толпа народа, полиція, солдаты и военныя власти, которыя встрѣтили уполномоченныхъ. Они заявили, что желаютъ сейчасъ-же видѣть у себя на суднѣ представителей народа и врача для больныхъ, умирающихъ отъ разстройства желудка. Исправникъ и другое начальство обращалось предупредительно вѣжливо и держало даже руку подъ козырекъ передъ простыми солдатами. Когда городскія власти сѣли уже на катеръ и отправились на броненосецъ, депутаты обратились съ рѣчью къ собравшемуся толпой народу.

Они выяснили свои цѣли, задачи и стремленія, говорили о необходимости сверженія деспотическаго самодержавія, о немедленномъ прекращеніи избіенія народа, какъ къ Манджуріи, такъ и у себя на родинѣ.

Они указывали на необходимость самой рѣшительной борьбы, теперь же, за народную свободу и народное правленіе, взамѣнъ вѣковыхъ цѣпей рабства и угнетенія.

Съ подобными рѣчами они обращались къ тутъ-же стоящимъ солдатамъ, призывая ихъ къ солидарности съ ними. Въ заключеніе они открыто роздали на глазахъ у полиціи нѣсколько прокламацій.

При первыхъ словахъ, полиція, по старой памяти, бросилась разгонять толпу и ораторовъ. Кириллъ громко прикрикнулъ на эту разнузданную свору опричниковъ и всѣ они, вытянувшись передъ нимъ въ струнку, совершено успокоились и умѣрили свой пылъ.

Послѣ этого, при дружескихъ революціонныхъ крикахъ всего собравшагося народа и салютахъ шапками, катеръ вернулся къ своему броненосцу.

Туда же вскорѣ прибыли городской голова и другіе представители города. Они, послѣ краткаго собесѣдованія съ судовымъ управленіемъ, рѣшили сейчасъ же доставить ему все необходимое.

И, дѣйствительно, часа черезъ два уже начали подвозить мясо, хлѣбъ, табакъ и другой провіантъ.

Но вдругъ получилось извѣщеніе, что военныя власти силою прекратили дальнѣйшую поставку уже закупленной провизіи и угрожали городскимъ представителямъ арестомъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать снабженіе революціоннаго броненосца припасами. Дѣло усложнялось и обострялось. Но у революціонеровъ не было иного исхода, какъ дѣйствовать рѣшительно.

Депутаты ихъ то и дѣло отправлялись на берегъ и предъявляли требованіе за требованіемъ начальнику мѣстнаго гарнизона объ освобожденіи конфискованной провизіи. Одновременно съ этимъ, на берегу, передъ тысячной тол-

пой и войсками произносились матросами ревоюціонныя рѣчи. Время текло быстро и наступилъ вечеръ. Рѣшили, поэтому, послать еще разъ депутатовъ и припугнуть мѣстныхъ сатраповъ бомбардировкой города.

Начальнику гарнизона и городскому головѣ было послано объ этомъ письменное извѣщеніе и жителей города просили до 10 час. утра перейти въ болѣе безопасныя части. Утромъ, часовъ въ 8, матросы надумали силой взять одинъ изъ барказовъ, стоящихъ въ порту, и при его посредствѣ начать грузить самимъ уголь изъ желѣзнодорожныхъ складовъ. Откладывать въ долгій ящикъ этого нельзя было. И часть матросовъ на катерѣ и миноносцѣ направились въ портъ для приведенія этого въ исполненіе. Но только они успѣли подъѣхать къ барказу и частью взобраться на него, какъ по нимъ съ двухъ сторонъ былъ открытъ огонь залпами. Шесть человѣкъ убитыми и ранеными остались на мѣстѣ и частью попадали съ барказа въ воду. На миноносцѣ и на барказѣ было также двое убитыхъ и двое раненыхъ.

Катеръ оказался почти безъ управленія и едва-едва одинъ изъ уцѣлѣвшихъ подъ перекрестнымъ огнемъ довелъ матросовъ его до броненосца. Миноносецъ тоже съ трудомъ вернулся назадъ.

Лишь только на суднѣ узнали эту звѣрскую и предательскую расправу съ товарищами, какъ вмигъ часть матросовъ бросилась, безъ всякой команды, къ орудіямъ... Но куда было стрѣлять и въ кого? Расположеніе города имъ совсѣмъ не было извѣстно. Войска же были позапрятаны за всякими закрытіями.

Поднялся шумъ и разногласіе. Одни кричали, что нужно отомстить и разбить весь городъ, другіе кричали о безсмысленности этого. Что было дѣлать? Въ Румынію, —

закричали опять — „въ Румынію“, подхватила толпа, и „Потемкинъ“ опять очутился въ открытомъ морѣ.

Въ Констанцѣ революціонный броненосецъ окончилъ свое романтическое плаваніе. Утомленные долгимъ плаваніемъ, неопредѣленностью положенія и отсутствіемъ угля и съѣстныхъ припасовъ, матросы рѣшили сдаться румынскому правительству. Выговоривъ себѣ полную свободу, они оставили броненосецъ въ рукахъ румынскихъ властей, которыя вернули его русскому правительству.

Исходъ возстанія „Князя Потемкина Таврическаго“ былъ бы навѣрно совершенно другой, еслибы возстаніемъ руководили общій планъ и энергическая, опредѣленная воля, которая съумѣла бы объединить дѣйствія броненосца съ возставшимъ народомъ въ Одессѣ. Такимъ образомъ не трудно было бы создать базу для болѣе грандіознаго возстанія, которое могло бы охватить весь югъ, а потомъ и всю Россію. Но этому не суждено было осуществиться благодаря отсутствію опредѣленнаго плана.

Теперь перейдемъ къ описанію Одесскихъ событій.

Въ одессѣ уже нѣсколько недѣль продолжалась стачка фабричныхъ рабочихъ. То затихая, то воспылая съ новой энергіей, она переходила изъ одного района города въ другой, пока наконецъ не вылилась въ бурный революціонный потокъ.

Атмосфера постепенно сгущалась, настроеніе народа стало все революціоннѣе. Въ воскресеніе 13. іюня вечеромъ состоялось собраніе уполномоченныхъ отъ фабричныхъ рабочихъ, которое было арестовано. 13 іюня начались кровавые революціонные дни. Движеніе началось съ рабочаго квартала, Пересыпи, гдѣ рабочіе держались дольше и упорнѣе всего. Утромъ въ понедѣльникъ собралось у завода Гена 500—600 человѣкъ, и сильно возбужденные

арестомъ своихъ уполномоченныхъ, стали обсуждать, какъ быть дальше.

Противъ рабочихъ были выведены солдаты, которые начали стрѣлять.

Гулъ выстрѣловъ на Пересыпи поднялъ на ноги весь одесскій пролетаріатъ. Возбужденіе росло съ поразительной быстротой. Днемъ на улицахъ произошли нѣсколько собраній, дышавшихъ уже революціоннымъ подъемомъ. Ночью, у полотна желѣзной дороги, собирались тысячныя толпы, ораторы смѣняли другъ друга, тамъ же остановили дачные поѣзда. Часовъ въ девять всѣ двинулись къ электрической станціи. Здѣсь произошла схватка съ казаками, раздавались залпы, очевидно, холостые. Въ городѣ же шли толпы рабочихъ, пока еще сравнительно маленькія, и останавливали работы. Въ этотъ день, оставляя въ сторонѣ залпы на Пересыпи, полиція и казаки вели себя сравнительно чинно. Но за то слѣдующій день былъ днемъ безконечныхъ ужасовъ. Начиная съ утра 14 іюня, сниманіе рабочихъ съ работы носитъ уже бурный, революціонный характеръ. На фабрикѣ жестянныхъ издѣлій Вальтуха работы были остановлены ворвавшимся вооруженнымъ отрядомъ рабочихъ. Въ ходъ пошли также захваченные напильники и другіе инструменты. У фабрики произошли крупныя стычки, стрѣляли и толпа, и въ толпу.

Звѣрское избіеніе произошло на углу Канатной и Еврейской. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ собралась грандіозная толпа рабочихъ, среди которыхъ было больше половины дѣвочекъ-подростковъ изъ чайной фабрики Высоцкаго. Радостныя, страшно возбуженныя, онѣ вышли съ толпой взрослыхъ рабочихъ съ фабрики Левинсона. Вся толпа съ громкими криками, страшно возбужденная, двинулась было по Канатной улицѣ. На встрѣчу быстро

двигался отрядъ городовыхъ. Переднія части толпы пытались было повернуть на Еврейскую, но заднія, не видѣвшія городовыхъ, начали кричать: „Не ходите, товарищи, на Еврейскую. Тамъ у участка засада". Но какъ разъ въ этотъ моментъ началось кровавое побоище съ двухъ сторонъ: и со стороны Еврейской, гдѣ изъ участка, дѣйствительно, высыпала куча городовыхъ съ саблями наголо, и со стороны Канатной, откуда къ тому времени уже вплотную придвинулся отрядъ городовыхъ. Началась частая револьверная пальба, отчаянные крики растерявшихся дѣвушекъ, а въ это время шашками рубили свалившихся дѣвушекъ, мужчинъ. Рубили жестоко, звѣрски. Въ результатѣ множество избитыхъ и до десятка сильно изрубленныхъ шашками.

Разбѣжавшаяся толпа быстро вновь собралась и стала останавливать другія мастерскія. Въ это время залпы начались съ Преображенской улицы. Здѣсь полиція стрѣляла цѣлый день съ промежутками въ два-три часа. Несмотря на это, толпы собирались каждый разъ и плотными массами двигались взадъ и впередъ. Преобладала рабочая молодежь и множество совсѣмъ молодыхъ мальчиковъ, которые всюду являлись застрѣльщиками. Въ этотъ же день стали закрываться магазины, банки и т. п. Войскъ пока было мало. Дѣйствовала, главнымъ образомъ, полиція. Городовые мчались по улицамъ, размахивая въ одной рукѣ револьверомъ, въ другой шашкой; однако, большинство выстрѣловъ были холостые, иначе трудно себѣ объяснить поразительно малое количество жертвъ при почти непрерывной стрѣльбѣ.

А стрѣльба была во множествѣ пунктовъ. Масса металась съ улицы на улицу, ни разу не разсѣиваясь хотя бы болѣе чѣмъ на 15 минутъ. Въ пяти-шести пунктахъ

воздвигали баррикады, валили конки, возы, таскали доски, но при первыхъ выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. При постройкѣ баррикадъ выдающуюся роль играли уличныя дѣти. Съ поразительнымъ безстрашіемъ кучка мальчугановъ окружала конку, высаживала пассажировъ и мгновенно валила вагонъ на самые рельсы. Съ полудня движеніе по нѣкоторымъ линіямъ пріостановилось. Къ этому времени были остановлены работы почти во всемъ городѣ и отчасти на окраинахъ. Остановка работъ всюду сопровождалась избіеніемъ, залпами...

Масса была безоружна и, гдѣ были подъ руками камни, они пускались въ ходъ, не причиняя казакамъ особеннаго вреда. Въ теченіи дня раздавались въ различныхъ пунктахъ приблизительно 10—15 выстрѣловъ изъ толпы, нѣкоторыми изъ нихъ были ранены городовые, околодочные надзиратели, помощникъ пристава, казаки и т. п.

Въ этотъ же день появившіяся прокламаціи призывали къ всеобщей забастовкѣ. Къ вечеру уже насчитывалось нѣсколько убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ. Часамъ къ десяти была брошена бомба на Соборной площади, наводившая страхъ на полицію. Бросившій бомбу, скончался во время спора между персоналомъ „Скорой помощи“ съ полиціей насчетъ того, куда увести „преступника“. Къ вечеру же большинство магазиновъ было закрыто и толпы народа стали еще гуще. Послѣ взрыва бомбы публику начали уже гнать казаки и къ 11 часамъ было уже пусто.

На Пересыпи опять шли открытыя собранія, ходили толпами закрывать близъ стоящіе заводы, но при выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. Въ одномъ случаѣ трехтысячная толпа убѣгала передъ нѣсколькими полицейскими,

хотя передніе ряды кричали, что не слѣдуетъ бѣжать передъ 4—5 вооруженными чинами. Однако, сознаніе своей безпомощности все глубже и глубже внѣдрялось въ сознаніе массы и къ вечеру оно сильно возрасло. Требовали настойчиво оружія, говорили, что оружіемъ все сдѣлать можно, но оружія не было... Были десятки револьверовъ. Рождались у массы планы двинуться къ оружейнымъ магазинамъ, но стало извѣстно, что въ лавкахъ ничего нѣтъ. Попытки двинуться съ Пересыпи въ городъ не удались...

Ночью съ 14 на 15 іюня случилось событіе, которое привлекло вниманіе всего міра, событіе, неизвѣстное во всемірной исторіи. На сторону россійской революціи сталъ самый лучшій эскадронный броненосецъ единственнаго въ Россіи Черноморскаго флота.

Матросы „Потемкина“ вынесли на берегъ трупъ убитаго товарища Вакуленчука.

Къ трупу матроса начали стекаться тысячныя толпы, которыя мѣнялись въ теченіи всего дня. Каждый разъ кто-нибудь изъ матросовъ читалъ воззваніе „къ одесситамъ“. Толпа снимала шапки, нѣкоторые крестились; настроеніе было въ высшей степени приподнятое. Тѣло матроса было украшено чернымъ знаменемъ. Тутъ же были воздвигнуты эстрады изъ бочекъ для ораторовъ. Говорили многіе случайные ораторы изъ публики, излагая каждый по своему горе и скорбь народную. Говорилъ одинъ портъ-артурецъ калѣка: „Вы возмутились, что вамъ дали червивое мясо, а мы такое мясо кушали ежедневно“. Каждый разъ показывали толпѣ мясо, изъ котораго матросы варили борщъ. Мясо тухлое, червивое, гнилое.

Толпа сильно взволнована всѣмъ происходящимъ передъ ея глазами. Вдали высится гигантъ-броненосецъ, внушающій всѣмъ упавшимъ духомъ гордую увѣренность

въ томъ, что на сторонѣ революціи новая могучая сила, передъ которой теряются въ безпамятствѣ всѣ власти съ ихъ солдатами, полиціей и казаками.

Съ прибытіемъ броненосца городъ совершенно пустѣетъ. Не видно кучекъ рабочихъ, не видно толпъ мальчишекъ. Все это бѣжитъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова къ гавани. На улицахъ, прилегающихъ къ гавани, это бѣгство становится особенно замѣтнымъ. Съ проходящаго мимо трамвая слѣзаютъ люди, и, еще не зная, въ чемъ дѣло, присоединяются къ бѣгущимъ.

Позабыты всѣ ужасы прошлыхъ дней. Всѣ мысли, всѣ чувства концентрируются вокругъ революціоннаго броненосца. Каждому рисуются грандіозныя картины захвата всего южнаго побережья, аресты властей, бомбардировки. Уже летятъ въ воздухѣ слова: „временное правительство“, „революція“. Говорятъ, что матросы высадятся и возьмутъ городъ и, дѣйствительно, въ среду утромъ это было весьма возможно. Въ городѣ совершенно не было войскъ. Въ уѣздѣ шли крупные аграрные безпорядки, лагери отстоятъ на десятки верстъ, нѣкоторыя войсковыя части находятся въ сильномъ броженіи, настроеніе толпы крайне возбужденное—всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, могли бы несомнѣнно привести къ захвату города, еслибы высадилось нѣсколько сотъ хорошо вооруженныхъ людей, поставившихъ себѣ ясную задачу свергнуть самодержавіе. При томъ дѣйствіе орудій броненосца могло бы значительно ускорить революціонную развязку. Но матросы ждали остальной эскадры.

Матросы же съ „Потемкина“ поддерживали увѣренность въ томъ, что прибудетъ вся остальная эскадра. Для нихъ стала ясна дилемма: или смертная казнь матросамъ, или смерть самодержавію. Самодержавіе должно умереть,

для того, чтобы они могли жить: это имъ стало ясно и они твердо рѣшили вопросъ въ свою пользу. Въ этотъ день въ городѣ было спокойно. Выстрѣлы почти прекратились. Къ вечеру начали стягиваться войска. На нѣкоторыхъ мѣстахъ были установлены пушки. Атмосфера въ городѣ сгущалась. Въ порту же пока все шло по прежнему. Тысячныя толпы, ораторы, ораторы безъ конца. Какой то пьяный восторгъ, выливавшійся въ самыя разнообразныя формы, оживленныя лица, бесѣды... Отъ полиціи кругомъ чисто. Ея нигдѣ не видать. Лишь къ вечеру казаки и городовые на бульварѣ и на всѣхъ господствующихъ надъ моремъ мѣстахъ начинаютъ создавать затрудненія идущимъ толпамъ.

Но пока все благополучно. Внизу же дѣлается попытка вызвать антиеврейскій погромъ. Появляются темныя личности, толкующія о „жидахъ", что они все это сдѣлали и т. п.

До вечера царило относительное спокойствіе и чувствовался революціонный подъемъ. Весь день былъ полнымъ торжествомъ сознательности. Вечеромъ разыгралась дикая стихія, вечеромъ разлились ужасы, несказанные ужасы. Часовъ въ шесть начались въ порту грандіозные грабежи. Разбили „монополію", перепились мертвецки... Единодушное свидѣтельство всей мѣстной печати и тысячъ перебывавшихъ въ порту людей указываютъ на то, что отъ начала до конца грабежи были дѣломъ городскихъ отбросовъ, босяковъ, профессіональныхъ воришекъ и „чистой" публики. Эта публика таскала шелки, бархаты, драгоцѣнности, запихивала въ карманы.

Рабочіе первое время пытались организовать защиту отъ грабежей: пускалась въ ходъ сила, умоляли, просили, но ничто не помогало. Апетиты разгорѣлись... Стихія

побѣдила сознательность, рабочимъ пришлось съ горькимъ чувствомъ уйти.

Многія дѣвушки работницы и интеллигентки плакали, ибо въ безуміи грабежа, въ яркомъ заревѣ разбушевавшагося пожара, блѣднѣли драгоцѣнные плоды историческаго дня. Настроеніе въ городѣ стало крайне тревожное; горѣли милліоны, горѣли дюди, шли дикія оргіи. По всему небосклону неслись красно-огненныя облака, закрывая звѣзды... Все приняло зловѣще мрачный видъ. Въ это время раздался оглушительный взрывъ бомбы на Екатерин-ской площади. Изранено множество людей, главнымъ образомъ, казаки. Бросавшій неизвѣстенъ. Скоро послѣ взрыва раздался безъ всякаго повода залпъ. Залпъ былъ оглушительный и вызвалъ страшную панику. Вопли и крики давящихъ другъ друга людей, стоны раненныхъ, визгъ женщинъ — все это смѣшалось въ одинъ хаосъ смертельнаго ужаса. Залпъ вызвалъ много жертвъ. Въ близь находящуюся аптеку внесли много сильно изуродованныхъ людей.

Паника усилилась въ городѣ до крайней степени. Люди бѣгали, едва переведя духъ. А въ это время начался дикій разгулъ военной силы. Въ тысячи людей, грабившихъ склады, пускались въ теченіе ночи залпъ за залпомъ. Стрѣляли по всѣмъ направленіямъ, безъ всякаго направленія. Стрѣляли изъ ружей, изъ пулеметовъ. Всю ночь шла канонада, ужасы сгущались, казалось, сейчасъ все въ воздухѣ застынетъ и ужасъ на вѣки повиснетъ тяжелымъ грузомъ надъ измученной землей. Въ это время въ пламени жарились напившіеся дорогими винами босяки, на извозчикахъ неслись, дико гикая, громилы. Въ началѣ предмѣстья Молдаванки полиція совершенно открыто организовала погромъ. Останавливали евреевъ и

избивали, но большого распространенія это не приняло. Массы годныя для погрома были уже сыты грабежомъ въ порту. Это была самая ужасная ночь, и Одесса ее никогда не забудетъ.

Въ Александровскомъ паркѣ, висящемъ надъ моремъ, въ это время собирались тысячи жителей, но къ утру власти окончательно обезумѣли и въ паркъ начали во всѣхъ направленіяхъ залетать пули, вызывая страшную панику.

Въ четвергъ утромъ пожаръ въ порту еще длился, долизывая остатки „національнаго богатства", которое грабили низшіе слои его производителей, въ которыхъ за это стрѣляли братья-солдаты...

День четверга ознаменовался новыми ужасами. Утромъ было зловѣще тихо. Всюду стояли солдаты. Народъ толпился маленькими кучками. Говорятъ тихо, шопотомъ. Лица измученныя, тревожныя. Трамваевъ нѣтъ, магазины закрыты. А войска все прибываютъ, да прибываютъ. У всѣхъ такое впечатлѣніе, точно готовится новая Варѳоломеевская ночь. Прошедшая ночь ужасовъ гнететъ душу, гнететъ мысль... Кажется, что все потеряно. Но это на время. Пока же разыгрываются новые ужасы. Вотъ въ тачкѣ рабочіе везутъ изувѣченныхъ, истекающихъ кровью товарищей. Кругомъ громкій плачъ, кладутъ на повозки мѣдяки, раздаются стоны, проклятья. Вдругъ налетаютъ казаки, раздаются нечеловѣческіе крики, зачастили выстрѣлы, быстро мчится лавина людей съ безумнымъ взоромъ, истерическіе крики женщинъ, дѣтей, вопли... И опять мертвенно тихо. Часамъ къ десяти по всѣмъ стѣнамъ расклеивается объявленіе о военномъ положеніи. Грозные взводы казаковъ и солдатъ двигаются медленно по улицамъ, въѣзжаютъ на тротуары. Смятеніе на лицахъ,

тревога въ говорѣ. Въ этотъ день стрѣляютъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Стрѣляютъ безъ предупрежденія. Всюду раненые. Есть жертвы и среди дѣтей. На Полицейскомъ мосту убиты двѣ дѣвушки и ребенокъ. Городъ превращается въ сплошной лагерь. Всюду пикеты, патрули.

Солдаты лежатъ въ повалку, измученные, вялые. Видъ у нихъ ужасно жалкій. На Соборной площади нѣсколько тысячъ солдатъ. Разбито 50—60 палатокъ, дымятся кухни, слышно ржаніе коней; тутъ же моютъ портянки, бѣлье; кругомъ грязь, вонь, и въ этой грязи и вони, на страшномъ солнцепекѣ, молоденькіе солдатики... Тутъ же и канцелярія. Энергично работаютъ писаря, стучатъ „ремингтоны". Идутъ усиленные аресты, хватаютъ направо и налѣво. Въ участкахъ избиваютъ до крови. Въ участки никого не пропускаютъ: ни женъ, ни матерей. Справокъ никакихъ не даютъ.

А броненосецъ все стоитъ въ гавани. Теперь вся надежда, всѣ упованія вращаются исключительно вокругъ него. Рабочимъ становится ясно, что теперь немыслима какая нибудь борьба на улицѣ, очевидно, что кромѣ жесточайшихъ кровопролитій ничего въ результатѣ не будетъ.

Въ этотъ же день происходятъ похороны убитаго на „Потемкинѣ" матроса. Въ морѣ хоронить его команда не хочетъ. Путемъ длинныхъ переговоровъ матросы, подлежащіе смертной казни за измѣну, получаютъ разрѣшеніе похоронить его въ городѣ, въ сопровожденіи 12 человѣкъ изъ команды, до того великъ страхъ властей передъ броненосцемъ. Къ сожалѣнію, организаціи не освѣдомлены о похоронахъ, и трупъ матроса сопровождаютъ въ началѣ всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Многіе принимаютъ всю

сцену похоронъ за мистификацію и уходятъ себѣ въ сторону.

Обратно до порта они прошли совершенно безпрепятственно. Но въ порту ихъ дальше не пускало уже военное начальство. Началась перестрѣлка. Было убито три матроса, одинъ раненъ, четверо было арестовано, а четверо спаслись. Матросы сдѣлались жертвой гнуснаго предательства. Они до того были увѣрены въ томъ, что переговоры ведутся не съ задней цѣлью, что, не смотря на грозившую имъ смертную казнь, они пустились въ городъ, они были высокаго мнѣнія о честности слова военнаго и они были жестоко обмануты. А на броненосцѣ ждали возврата товарищей. Еще до того, какъ началась перестрѣлка въ порту, истекъ срокъ ихъ возвращенія. Тогда съ броненосца было пущено два неразрывныхъ снаряда. Раздался страшный трескъ, и весь городъ охватила стратная паника. По характеру и силѣ удара мгновенно стало ясно, что это стрѣляютъ съ броненосца. Начали рисоваться уже картины бомбардировки. Первымъ снарядомъ была снесена часть крыши и карнизъ въ домѣ Фельдмана почти въ центрѣ города. Домъ этотъ находится на разстояніи одного квартала отъ Соборной площади, гдѣ расположилась главная масса солдатъ и казаковъ.

Послѣ удара началась паника среди солдатъ. Часть завели въ соборъ, другая осталась на площади въ смертельномъ страхѣ. Возможно, что цѣлились какъ разъ въ нихъ. Прицѣломъ могъ служить шпицъ собора. О мѣстѣ нахожденія солдатъ матросы могли знать. Вскорѣ послѣдовалъ второй еще болѣе громкій выстрѣлъ изъ орудія. Куда попалъ снарядъ, неизвѣстно. Впечатлѣніе отъ стрѣльбы броненосца было огромное. Теперь всѣ увидѣли, что такое броненосецъ. Настроеніе рабочихъ сильно под-

нялось. Чувство внушительной поддержки гиганта броненосца приподнимало всѣхъ. „О, онъ здорово умѣетъ стрѣлять“, такъ говорили про себя всѣ. Вечеръ закончился твердой надеждой, что „онъ выручитъ“.

Но онъ не выручилъ. На другой день онъ уѣхалъ, чтобы предпринимать свои безуспѣшныя странствія по Черному морю. А военныя власти и полиція между тѣмъ водворяли порядокъ въ Одессѣ. Вторая сцена революціи, разыгравшаяся въ другомъ концѣ Россіи, была задушена въ крови, какъ и первая.

Но все-таки между обѣими сценами мы находимъ уже большое различіе.

Петербургская демонстрація была собственно петиція; народъ еще просилъ защиты отъ безконечныхъ обидъ, гарантій, необходимыхъ правъ. Въ Одессѣ народъ уже требуетъ, а военная сила въ лицѣ броненосца „Потемкина“ прямо возстаетъ противъ царскаго самодержавія.

Это очень крупный шагъ впередъ въ пониманіи политическаго положенія страны. Вѣсы общественныхъ и соціальныхъ силъ все больше наклоняются въ сторону революціи. Изъ этого правительство могло бы многому научиться, но оно или не хотѣло этого, или не было въ состояніи больше чему-либо учиться. Выводъ изъ этого совсѣмъ не утѣшителенъ для стараго строя, такъ какъ въ этомъ снова проявилось, что отживающая форма правленія неспособна уже приспособляться къ измѣняющимся условіямъ жизни, къ возникающимъ въ историческомъ развитіи потребностямъ.

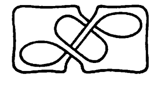
Правда, такія попытки приспособленія дѣлались послѣ каждаго значительнаго политическаго сотрясенія, но они всегда терпѣли жалкое и плачевное фіаско. Царскіе манифесты, обѣщающіе реформы крайне сомнительнаго качества

въ далекомъ будущемъ, и неудачныя попытки чиновничества создать въ своихъ запыленныхъ канцеляріяхъ такъ называемыя реформы вызываютъ только или смѣхъ, или возмущеніе народа. Оттуда никто не ожидаетъ никакого прочнаго улучшенія.

Такъ какъ удовлетворительное приспособленіе современнаго государственнаго строя къ жизненнымъ потребностямъ страны невозможно, то и революціонная борьба не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ, пока самодержавіе не будетъ окончательно свергнуто.

Подавивъ одесское возстаніе, реакція восторжествовала. Она надѣялась, что революціонныя вспышки уже навсегда окончены. Въ слѣпой ярости проливая народную кровь, правительство хотѣло навсегда искоренить охоту на возстаніе въ своихъ подданныхъ. Оно было увѣрено въ успѣхѣ своихъ мѣропріятій.

Но оно горько обмануслось. Въ этомъ ему пришлось убѣдиться даже очень скоро.

Глава IV.

„Конституція“ 17 октября.

Въ теченіе лѣта 1905 года вся Россія находилась въ лихорадочномъ, напряженномъ состояніи. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ вспыхивали стачки, совершались политическія убійства и тому подобныя проявленія недовольства. Правительство въ свою очередь отвѣчало все новыми репрессіями и преслѣдованіями. Во многихъ мѣстахъ дѣло доходило до кровавыхъ столкновеній. Особенно Кавказъ неоднократно привлекалъ вниманіе всего міра кровавыми событіями. Здѣсь къ революціонной борьбѣ примѣшивались національныя распри.

Русское правительство не безъ успѣха примѣняетъ въ своей политикѣ принципъ: divide et impera. Чтобы отвлечь вниманіе народныхъ массъ отъ политическихъ вопросовъ и недостатковъ современнаго государственнаго строя, оно натравляетъ одну націю на другую. Въ Россіи оно организуетъ еврейскіе погромы, на Кавказѣ оно вооружаетъ татаръ противъ армянъ. Теперь уже внѣ всякаго сомнѣнія, что кровавые дни въ Баку были вызваны и съорганизованы чиновниками самодержавнаго правительства. Такимъ образомъ правительству дѣйствительно удается ослабить на время революціонную энергію угнетенныхъ на-

ціональностей, но этой политикой оно создаетъ въ народныхъ массахъ и во всемъ культурномъ человѣчествѣ еще большую ненависть къ себѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа чисто революціонное движеніе достигло колоссальныхъ размѣровъ. Крестьянское движеніе въ Грузіи, напр., превосходитъ всѣ революціонныя вспышки въ собственной Россіи. Правительство и здѣсь рѣшило примѣнить свою руссификаторскую политику и наводняло край своими чиновниками. Храбрый горный народецъ не поддавался и въ 1903 году открыто объявилъ бойкотъ всѣмъ правительственнымъ чиновникамъ и казенному духовенству. Избранное народомъ духовенство на своемъ конгрессѣ 13 апрѣля 1905 года рѣшаетъ примкнуть къ соціалистической партіи. Нѣкоторые священники пропускаютъ въ молитвахъ имя императора и замѣняютъ его словами: Имеретинско-мингрельскій комитетъ россійской соціальдемократической рабочей партіи!

Старыя административныя учрежденія бойкотировались или даже уничтожались и народъ избралъ новыя управленія и новыхъ судей. Въ старыхъ судахъ не было разобрано съ 1903—1905 года ни одного процесса; министерскія школы совершенно опустѣли.

Народъ осуществилъ свободу неприкосновенности личности, свободу печати, слова, собраній и союзовъ. Въ краѣ было введено восьмичасовое рабочее время, разоружено правительственное войско и введена народная милиція.

Въ отвѣтъ на это правительство объявило Грузію на военномъ положеніи и отправило туда войско. Но противъ послѣдняго народъ выставилъ 15,000 человѣкъ хорошо вооруженной милиціи, которая непрерывно безпокоила правительственныя войска, нападала на патрули,

розоружала небольшіе отряды и заставила непрерывной, мужественной партизанской войной отмѣнить военное положеніе.

Но ужасная месть ожидала народъ, когда правительственнымъ войскамъ наконецъ удалось побѣдить возставшихъ. Казаки переходили отъ одного селенія къ другому, уничтожая все огнемъ и штыкомъ, распространяя повсюду смерть и ужасъ.

Для примѣра приводимъ отчетъ слѣдственной комиссіи, объѣхавшей пострадавшія армянскія селенія въ шушинскомъ уѣздѣ:

„Удостовѣрены факты грабежа и насилій; изнасилована родильница. Въ Гюнэ и въ Чертазѣ констатированы многочисленные факты физическаго насилія, грабежи и поджоги. Въ Сусѣ однаруженъ большой грабежъ и фактъ поголовнаго избіенія крестьянъ, изнасилованія одиннадцати женщинъ и растлѣнія параличемъ разбитой двѣнадцатилѣтней дѣвочки, которую изверги вырвали изъ объятій старика-дѣда. Разслѣдованіе фактовъ произвело на комиссію невыносимо тяжелое впечатлѣніе. Сообщенія епископа Ашота объ ужасахъ не только подтверждаются, но блѣднѣютъ передъ дѣйствительностью. Нѣтъ селенія, гдѣ бы не были сожжены дома со всѣмъ имуществомъ. Въ Тугѣ сожженъ двухъэтажный домъ Мусаелянца, съ хлѣбнымъ амбаромъ и складомъ мануфактурныхъ товаровъ. Вездѣ казакамъ давалась полная свобода. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ нѣсколько дней грабили, избивали, истязали, изнасиловали женщинъ и дѣвицъ, вырывая ихъ подъ часъ изъ рукъ отцовъ, братьевъ и мужей, ловя ихъ въ горахъ, въ садахъ и въ лѣсахъ. Рѣдко кто избавился отъ побоевъ, истязаній, ограбленія, а изъ женщинъ спаслась отъ

позора лишь часть убѣжавшихъ или скрывшихся въ секретныхъ мѣстахъ домовъ. Въ селеніи Сосъ умеръ отъ побоевъ Аванесъ Айрепетянцъ. Товарищу прокурора было заявлено объ этомъ, но слѣдствія и вскрытія произведено не было до сихъ поръ. Мать Аванеса, семидесятилѣтняя старуха, изнасилована пятью казаками. Въ селеніи Азохѣ казаки требовали отъ Хосрова Карапетянца отдать жену. Получивъ отказъ, они повалили ее и изнасиловали. Одна азохская женщина изнасилована на глазахъ дѣтей, затѣмъ ее заставили цѣловать половые органы. Уничтожено казаками многое, чего не могли они взять. Награбленныя же вещи, навьючивъ ими лошадей, они отвезли въ переселенческое селеніе Скобелевку, частью же продавали дорогой. Пострадали преимущественно тѣ селенія, которыя подвергались раньше нападенію татаръ. Въ селеніи Чартазѣ саблей казака раненъ священникъ, у другого священника ограбленъ сосудъ со Св. Тайнами. Есть при смерти избитые, неизлѣчимые, изувѣченные, преждевременные роды, выкидыши, случаи смерти новорожденныхъ. Офицеръ, по свидѣтельству многихъ, поощрялъ казаковъ, а нѣкоторые дома самъ обливалъ керосиномъ и поджигалъ.“

Не только въ окраинахъ, но и въ самой Россіи лѣто 1905 г. ознаменовалось многократными волненіями, охватившими и центръ государства, Москву. Казалось, что первопрестольная столица Россіи никогда не примкнетъ къ революціи, къ сонму „нечестивыхъ“ городовъ и останется мирнымъ оазисомъ среди бушующаго русскаго моря. Тѣ патріоты своего отечества, для которыхъ перенесеніе столицы имперіи въ Москву являлось однимъ изъ главныхъ пунктовъ истинно-русской программы, были крѣпко увѣрены въ томъ, что Москва надолго еще застрахована отъ такихъ бурныхъ взрывовъ народнаго броженія, ареной

которыхъ она служила осенью 1905 года. Этимъ надеждамъ и этой увѣренности не суждено было сбыться!

19 сентября забастовали въ Москвѣ наборщики типографіи Сытина. Они потребовали сокращенія рабочаго дня и повышенія сдѣльной платы съ 1000 буквъ, не исключая и знаковъ препинанія. Это маленькое событіе открыло собою не болѣе и не менѣе, какъ всероссійскую политическую стачку, въ которой насчитывали до 7 милліоновъ участниковъ и черезъ мѣсяцъ, 17 октября, былъ уже подписанъ въ Петергофѣ конституціонный манифестъ. „Абсолютизмъ споткнулся, зацѣпившись за типографскую стачку, возникшую изъ-за знаковъ препинанія", говоритъ одинъ публицистъ.

Стачка, возникшая из-за знаковъ препинанія, быстро перебросилась на другія отрасли. Знаменательно при этомъ то обстоятельство, что рабочія организаціи во время забастовки дѣлали поразительные успѣхи. Совѣтъ типографскихъ рабочихъ забралъ всѣ нити въ свои руки и руководилъ движеніемъ и рабочія массы послушно шли за организаціей. Стачки, вызванныя упомянутой забастовкой типографіи Сытина, начали уже ослабѣвать, на многихъ заводахъ рабочіе снова приступили къ работѣ. Но окончательно движеніе не стихло.

7 октября было рѣшительнымъ днемъ: началась забастовка на московскихъ желѣзныхъ дорогахъ. 8 октября служащіе петербургскаго желѣзнодорожнаго узла рѣшили приступить къ организаціи всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза съ тѣмъ, чтобы предъявить впослѣдствіи правительству ультиматумъ и поддержать свои требованія забастовкой. 9 октября съѣздъ делегатовъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ формулируетъ и разсылаетъ по телеграфу общіе лозунги желѣзнодорожной забастовки: вось-

мичасовый рабочій день, гражданскія свободы, амнистію политическихъ заключенныхъ и учредительное собраніе.

Стачка разрастается съ неудержимой силой. Она разсылаетъ по телеграфу свои приказы и пролетаріатъ во всѣхъ углахъ Россіи съ энтузіазмомъ повинуетя ея указаніямъ.

Экономическая жизнь страны замираетъ, двигательные нервы государственнаго организма коченѣютъ. Прекращается движеніе на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Двигаются только поѣзда, перевозящіе делегатовъ рабочихъ изъ одного города въ другой.

Телеграфное сообщеніе прерывается, почта отказывается отъ пріема иногородней корреспонденціи. Стали не только всѣ россійскія дороги, но и азіатскія, бастовала вся желѣзнодорожная армія служащихъ, три четверти милліона человѣкъ.

Цѣны на товары и всѣ съѣстные припасы быстро поднимались. Биржа трепетала, всѣ акціи быстро падали, въ биржевой спекуляціи воцарилась паника, платежи не поступали, нарушились всѣ законы хозяйственнаго оборота.

Стачка мало-по-малу охватываетъ всю жизнь, останавливаются фабрики и заводы, закрываются лавки, магазины, рестораны, трактиры, кофейни.

Стачка пролетаріата захватываетъ и интеллигенцію. Присяжные засѣдатели и судьи отказываются судить, адвокаты — защищать, врачи — лѣчить.

Повсюду организуются колоссальные митинги. Напряженіе массы и растерянность власти растутъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ дѣло доходитъ до кровавыхъ столкновеній съ полиціей и войскомъ. Въ Харьковѣ районъ, гдѣ находится университетъ, объявляется въ осадномъ по-

ложеніи. Организуется народная милиція, которая потомъ разгоняется войскомъ.

Въ Екатеринославѣ 11 октября, послѣ предательскаго разстрѣла толпы, на улицахъ воздвигаются баррикады. На каждой изъ шести баррикадъ находилось нѣсколько сотъ человѣкъ. Только къ вечеру войскамъ удается овладѣть баррикадами.

Страшное напряженіе, охватившее всю страну, растерянныя донесенія изъ провинціи, полная неизвѣстность относительно завтрашняго дня — все это создало невѣроятную панику въ правительственныхъ рядахъ. Увѣренности въ армію не было, такъ какъ на митингахъ появлялись солдаты и офицеры. Послѣдніе произносили революціонныя рѣчи и увѣряли, что треть арміи сочувствуетъ народу. При этомъ забастовка сильно затрудняла усмиреніе, такъ какъ арміи должны были бы передвигаться изъ одного города въ другой пѣшкомъ.

Сбитый съ ногъ и потерявшій голову абсолютизмъ пошелъ на уступки. Въ ночь съ 17 на 18 октября былъ обнародованъ царскій манифестъ, обѣщавшій народу непоколебимыя основанія гражданской свободы, неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Далѣе манифестъ обѣщаетъ дать избирательныя права въ государственную думу и тѣмъ слоямъ населенія, которыя до сихъ поръ были лишены этого права. Кромѣ того государственной думѣ предоставляются и законодательныя функціи въ томъ смыслѣ, что ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы безъ утвержденія государственной думы.

Манифестъ о конституціи всколыхнулъ всѣ общественныя силы. На улицахъ были расклеены обѣщанія неприкосновенности личности, свободы слова, свободы сою-

зовъ. Свободы печати и стачекъ правительство въ манифестѣ не обѣщало и Витте потомъ уже объяснялъ, что эти свободы подразумѣваются сами собою.

На улицахъ толпы народа собирались подъ красныя знамена и слушали рѣчи ораторовъ. „Къ тюрьмѣ", „освобождать заключенныхъ" — было тѣмъ призывомъ, который рвался изъ груди.

Но въ то время, какъ многотысячныя толпы народа, одушевленныя жаждой свободы для всѣхъ, шли къ тюрьмамъ, правительство, только что объявившее неприкосновенность личности, разстрѣливало демонстрантовъ, заливало кровью улицы, устраивало патріотическія манифестаціи и организовало грандіознѣйшія еврейскіе погромы и избіеніе революціонеровъ. Въ Томскѣ, Твери, Одессѣ и многихъ другихъ городахъ полиція вмѣстѣ съ такъ называемою черною сотнею праздновала кровавыя оргіи надъ беззащитнымъ населеніемъ.

Свобода собраній, провозглашенная манифестомъ, выразилась въ военной охранѣ всѣхъ помѣщеній для митинговъ, въ примѣненіи военной силы для разсѣянія собравшихся. „Свобода союзовъ" повела къ аресту многихъ членовъ за принадлежность къ „незаконному сообществу"; „свобода слова" — къ убійству ораторовъ.

Стало ясно, что манифестъ былъ только бумагой, что онъ разсчитывалъ докончить то дѣло, которое начато было 6 августа. Оно заключалось въ томъ, чтобы раздѣливъ общество, посѣявъ между различными классами взаимное недовѣріе и вражду, продолжать царствовать. Правительство разсчитывало поддѣть на эту удочку несознательныя массы, и создало грандіознѣйшую провокацію.

На сторонѣ правительства осталась черная сотня, партія правового порядка, союзъ 17 октября и торговопромыш-

ленная партія — этотъ союзъ помѣщиковъ, купцовъ и фабрикантовъ. Изъ всѣхъ этихъ группъ самою надежною и самою важною является черная сотня, какъ по своей численности, такъ и по силѣ, представляемой ею.

Либеральная буржуазія еще вѣрила въ манифестъ и требовала только удаленія Трепова. Правительство исполнило это требованіе, но вмѣсто одного Трепова въ Россіи появилась многоголовая треповщина.

Уже 20 октября, когда народъ устроилъ грандіознѣйшую демонстрацію на похоронахъ убитаго черносотенцемъ революціонера Баумана, улицы Москвы поливались народною кровью. Картина похоронъ настолько величественна, что приходится на ней немного остановиться.

Гробъ Баумана вынесли изъ Техническаго училища около 11 часовъ утра, 20 октября. Передъ гробомъ и за нимъ черезъ часъ образовалось шествіе съ тысячами красныхъ флаговъ и двухсотъ-тысячной, стройно рядами идущей толпой. Впереди несли надпись: „Охраняйте порядокъ, граждане!“ за нею надписи: „Долой самодержавіе!“ — „Требуемъ учредительнаго собранія!“ — „Да здравствуетъ временное революціонное правительство и демократическая республика!“ и т. д. и т. д.

Потомъ несли вѣнки, — громадные, роскошные и маленькіе, скромные, на высокихъ палкахъ, — всѣ съ алыми лентами, всѣ въ стройномъ порядкѣ и всѣ окруженные красными флагами. Несли безъ конца, безъ предѣла, тѣсно сомкнувшись на разстояніи версты.

Передъ гробомъ несли слегка наклоненное знамя соціальдемократической партіи. Потомъ слѣдовала красная крыша гроба и самъ гробъ, обмотанный кровавокраснымъ покровомъ съ бѣлыми надписями. Непосредственно за гробомъ идетъ, обнявшись, группа офицеровъ и солдатъ.

За гробомъ отрядами, по цехамъ, идутъ, рабочіе съ красными флагами. Ихъ число безпредѣльно и ихъ флаги сливаются въ одинъ несказанно величественный красный потокъ вмѣстѣ съ неумолкаемымъ пѣніемъ:

„Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой...“ Рядомъ съ процессіей идутъ распорядители съ красными лентами на шапкахъ.

По всему пути шествія — на тротуарахъ, въ домахъ на балконахъ и крышахъ — сотни тысячъ людей. Техническое училище и Ваганьковское кладбище въ двухъ почти противоположныхъ концахъ Москвы; процессія доходитъ до кладбища въ 6 часовъ вечера, т. е. движется семь часовъ. Она идетъ ровно, стройно и поетъ:

„Падетъ произволъ и возстанетъ народъ —
Могучій, счастливый, свободный...“

Наконецъ шествіе подходитъ къ кладбищу; тамъ зажигаются фонари, свѣчи и факелы. Опускаютъ трупъ въ могилу — говорятъ рѣчи.

Потомъ процессія возвращается въ обратномъ порядкѣ. Такого торжества, такой демонстраціи Москва еще никогда не видала и врядъ ли когда-либо увидитъ.

Но слуги самодержавія, напуганные грандіознымъ шествіемъ, хотѣли показать, что они еще у власти. Когда процессія на обратномъ пути поровнялась съ манежемъ, — изъ послѣдняго было сдѣлано правильными залпами восемьдесятъ ружейныхъ выстрѣловъ. Шестеро — студенты и рабочіе — были убиты наповалъ; много раненыхъ.

Правительство поспѣшило доказать на фактахъ, какъ правы были революціонеры, не довѣрявшіе его манифестамъ и обѣщаніямъ.

Послѣ 17 октября въ Петербургѣ рабочее движеніе дѣлаетъ быстрые успѣхи. Представители рабочихъ раз-

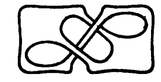
личныхъ фабрикъ и заводовъ составляютъ такъ назыв. Советъ рабочихъ депутатовъ, который быстро пріобрѣтаетъ большую популярность и пользуется полнымъ довѣріемъ рабочихъ массъ. Рабочіе рѣшаются даже завоевывать восьмичасовый рабочій день захватнымъ путемъ. Подъ руководствомъ талантливаго предсѣдателя, присяжнаго повѣреннаго Хрусталева, совѣтъ рабочихъ депутатовъ рѣшаетъ, что съ опредѣленнаго числа рабочіе должны работать только 8 часовъ въ день и послѣ этого самовольно уйти съ фабрикъ. На этотъ рѣшительный шагъ фабриканты отвѣтили еще болѣе рѣшительной мѣрой — они совсѣмъ закрыли нѣкоторыя фабрики. Число безработныхъ быстро увеличилось и рабочіе должны были на этотъ разъ уступить и отказаться отъ своего требованія.

Такъ же неудачна была вторая всеобщая стачка, объявленная петербургскими рабочими въ ноябрѣ, какъ протестъ противъ введенія въ Польшѣ военнаго положенія. Большинство заводовъ и фабрикъ Петербурга стало, но жизнь въ городѣ продолжалась обычнымъ порядкомъ, всѣ мастерскія и магазины оставались открытыми. Другіе города неохотно примыкали къ забастовкѣ или вовсе игнорировали призывъ петербургскихъ рабочихъ. Объясняется это тѣмъ, что рабочія массы были утомлены и изнурены прежней борьбой. Ихъ нельзя было снова поднять такъ скоро послѣ грандіозныхъ октябрьскихъ забастовокъ. Не находя отклика въ другихъ городахъ, стачка быстро окончилась и въ Петербургѣ.

Несмотря на эти неудачи, политическая жизнь кипѣла во всѣхъ концахъ и во всѣхъ углахъ Россіи, революціонная агитація доходила до крайняго напряженія. Появляется цѣлый потокъ революціонныхъ брошюръ, газетъ и юмористическихъ листковъ различныхъ политическихъ направ-

леній. Несмотря на драконовскія репрессіи, потокъ этотъ не останавливается. Нѣкоторыя газеты конфискуются на третьемъ-четвертомъ номерѣ, многія пріостанавливаются властями уже на первомъ номерѣ. Никогда въ многострадальной Россіи конфискація газетъ и преслѣдованія редакторовъ не были такъ часты, какъ послѣ объявленія правительствомъ свободы печати.

Но несмотря на всѣ эти репрессіи политическій пульсъ Россіи билъ очень сильно вплоть до новаго кроваваго столкновенія — Московскаго возстанія. Къ разсмотрѣнію этого событія мы и переходимъ.

Глава V.

Московское возстаніе.

6-го декабря, въ день Николая Чудотворца, Москва ожидала черносотеннаго погрома. Носились слухи, что всѣ темныя силы столицы собираются въ этотъ день противъ крамольниковъ, забастовщиковъ, студентовъ, жидовъ и интеллигенціи, словомъ, противъ всѣхъ тѣхъ, кто въ представленіи замоскворѣцкихъ салопницъ является виновникомъ смуты и безпорядковъ.

Въ 12 час. дня, на Красной площади, передъ древними стѣнами Кремля совершено было молебствіе. Организаторы контръ-революціонной демонстраціи ожидали, повидимому, громаднаго стеченія народа, который при подходящихъ обстоятельствахъ можно будетъ двинуть на страхъ внутреннимъ врагамъ. Но всѣ ихъ надежды были самымъ жестокимъ образомъ разбиты. Вмѣсто десятковъ тысячъ пришли лишь сотни и притомъ не особенно боевымъ образомъ настроенныя.

Кончилась вся эта подготовленная „монархической партіей" затѣя весьма невнушительнымъ шествіемъ къ генералъ-губернаторскому дому.

Въ тотъ самый день, когда контръ-революціонная попытка полицейской и реакціонной Москвы потерпѣла

такое жестокое пораженіе, Москва новая, Москва революціонная приняла чрезвычайно важное рѣшеніе. На засѣданіи Московскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ, на которомъ присутствовали делегаты отъ 91 предпріятія, далѣе представители отъ конференціи желѣзнодорожнаго союза, почт.-тел. съѣзда и пролетаріата царства польскаго, всего въ количествѣ 120 человѣкъ, постановлено было объявить въ среду, 7-ое декабря, съ 12 час. дня всеобщую политическую забастовку. Рѣшеніе это было принято единогласно.

Вечеромъ того же дня на собраніи въ театрѣ „Акваріумъ" была единогласно принята слѣдующая резолюція: „Собраніе рабочихъ и низшихъ служащихъ городскихъ предпріятій, обсудивъ послѣдніе акты правительственной политики, заявляетъ, что видитъ въ нихъ дерзкій вызовъ реакціи революціонному народу. Считая, что пролетаріатъ долженъ въ интересахъ свободы принять вызовъ и дать врагу сраженіе, собраніе постановляетъ завтра же, въ 12 час. дня, по постановленію М. С. Р. Деп., присоединиться къ забастовкѣ, которая должна перейти во всероссійскую, выйти на улицу и превратиться въ рѣшительный побѣдоносный бой революціоннаго народа съ кровавымъ правительствомъ.

Да здравствуетъ всероссійская стачка!

Да здравствуетъ всенародное возстаніе!

Мы требуемъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права безъ различія пола и національности. Мы требуемъ 8-ми часового рабочаго дня.

Да здравствуетъ демократическая республика!

Да здравствуетъ борьба пролетаріата подъ знаменемъ Р. С.-Д. Р. П.!

Въ этой резолюціи указаны причины, побудившія московскій пролетаріатъ рѣшиться еще разъ напрячь свою революціонную энергію, а также намѣченъ тотъ путь, по которому должна пойти объявленная всеобщая забастовка. Если октябрьская забастовка была революціей „скрещенныхъ рукъ“, то декабрьская забастовка должна была „выйти на улицу и превратиться въ рѣшительный побѣдоносный бой революціоннаго народа“.

На упомянутомъ выше достопамятномъ засѣданіи Совѣта рабочихъ депутатовъ 6-го декабря единогласно рѣшено было обратиться „ко всѣмъ рабочимъ, солдатамъ и гражданамъ“ Москвы съ воззваніемъ, въ которомъ обрисованы „послѣдніе акты правительственной политики“, знаменующіе собою начало новой эры самой безпощадной и жесточайшей реакціи.

7-го декабря вся жизнь въ Москвѣ, точно по мановенію волшебнаго жезла, остановилась. Съ 12 часовъ дня прекратилась работа на всѣхъ фабрикахъ, забастовали конки и трамваи, электрическія станціи, желѣзныя дороги, кромѣ Николаевской, прекратилась работа въ земскихъ и городской управахъ, замерла работа на почтѣ и телеграфѣ, газеты перестали выходить. Забастовка сразу приняла всеобщій характеръ въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Первые два дня забастовки носили и въ Москвѣ мирный характеръ. Отдѣльныя столкновенія забастовщиковъ съ войсками и полиціей, „разсѣиваніе“ толпы, съ которымъ московскіе рабочіе хорошо познакомились еще въ сентябрѣ и октябрѣ — все это въ общемъ и цѣломъ не нарушало мирнаго теченія забастовки. Никто не рѣшился-бы 7-го и 8-го числа предсказать тотъ путь, по которому въ дѣйствительности пошли московскія событія. Были скептики, утверждавшіе, что день-другой, и заба-

стовка кончится, рабочіе примутся за работу и все движеніе, какъ несвоевременно вспыхнувшее или вызванное, потерпитъ фіаско.

Самъ собою первымъ дѣломъ возникалъ вопросъ о возможности присоединенія къ движенію войскъ московскаго гарнизона. Происходившія въ концѣ ноября въ разныхъ мѣстахъ Россіи волненія среди солдатъ, а въ особенности волненія, имѣвшія мѣсто 1-го и 2-го декабря въ войскахъ московскаго гарнизона, давали серьезное основаніе полагать, что въ случаѣ сильнаго народнаго революціоннаго движенія возможно не только пассивное сопротивленіе войскъ, т.-е. отказъ итти на усмиреніе „бунтовщиковъ“, но даже открытое присоединеніе нѣкоторыхъ частей войска къ этимъ послѣднимъ.

На митингѣ 8-го декабря въ политехническомъ музеѣ присутствовавшіе делегаты отъ офицеровъ заявили, что „войско московскаго гарнизона не направитъ своихъ штыковъ противъ борющагося народа, не будетъ разряжать своихъ ружей въ своихъ братьевъ и отцовъ“. Эти слова и на самомъ дѣлѣ оказались не одной пустой похвальбой. Кромѣ казаковъ и драгунъ—остальныя части московскаго гарнизона бездѣйствовали въ эти дни, потому что высшая административная власть, не довѣряя ихъ благонадежности, держала ихъ во все время революціонныхъ дней подъ замкомъ въ казармахъ, изолировавши ихъ отъ внѣшняго міра и отобравши у нихъ предварительно оружіе. Дѣйствія правительства въ защиту порядка выразились сначала въ объявленіи Москвы на положеніи чрезвычайной охраны и въ арестѣ нѣкоторыхъ членовъ соціаль-демократическихъ организацій и профессіональныхъ союзовъ. Оно или не рѣшалось или выжидало еще подходящаго случая для приступленія къ болѣе крутымъ мѣрамъ. Интересно отмѣтить,

что 8-го числа вечеромъ при осадѣ войсками и полиціей „Акваріума“, гдѣ происходилъ многотысячный митингъ, были пущены въ ходъ, можно сказать, самыя мягкія средства: обыскъ и отбираніе оружія въ томъ случаѣ, когда его находили у обыскиваемаго, причемъ самихъ обладателей оружія спокойно отпускали. Но этой осадой, кончившейся для осажденныхъ въ общемъ вполнѣ благополучно, началась провокаціонная дѣятельность московской администраціи. На слѣдующій день въ тотъ же приблизительно часъ, что и въ предшествующій, осажденъ былъ домъ реальнаго училища Фидлера, гдѣ происходилъ не особенно людный митингъ. Въ этомъ случаѣ провокаціонная политика приняла уже самыя ужасныя формы. Наканунѣ дѣло не выходило еще изъ рамокъ полицейской чрезвычайной охраны. Сегодня сразу дѣло было поставлено на военную ногу. По дому открытъ былъ артиллерійскій огонь для того, чтобы этимъ путемъ вынудить участниковъ митинга, среди которыхъ были вооруженные дружинники, къ сдачѣ.

Канонадой дома Фидлера открывается бомбардировка Москвы, ею же открывается рядъ тѣхъ грозныхъ и ужасающихъ событій, которыя объединены общимъ названіемъ московскаго возстанія.

День 9-го декабря и есть собственно начало московскаго возстанія. Въ этотъ день начались аггресивныя дѣйствія дружинниковъ по отношенію къ полиціи. Въ этотъ день, въ 7 часовъ вечера, на Страстной площади войска дали впервые залпъ по толпѣ, скосившій 8 человѣкъ рабочихъ. Въ тотъ же день, наконецъ, воздвигнуты были въ Москвѣ первыя баррикады.

Баррикады въ первый моментъ своего возникновенія имѣли единственной цѣлью преградить путь движенію кон-

ницы драгунъ и казаковъ. Поэтому первыя баррикады представляли собой ни что иное, какъ загражденія поперекъ улицъ изъ проволокъ съ телефонныхъ и трамвайныхъ столбовъ. Для этой-же цѣли спиливались телефонные столбы и клались поперекъ улицы. Въ дальнѣйшемъ, однако, стали воздвигаться и болѣе прочныя баррикады, построенныя изъ снятыхъ съ петель воротъ сосѣднихъ домовъ, изъ заборовъ, рѣшетокъ, фуръ для перевозки мебели, вагоновъ трамваевъ, бревенъ, досокъ. Съ лихорадочнымъ жаромъ шла постройка баррикадъ по всѣмъ улицамъ Москвы. Ихъ было не меньше 300.

Революціонеры не защищали серьезно баррикадъ. Какой смыслъ имѣла защита баррикадъ, когда противъ нихъ направлены орудія и гранаты? Войска и полиція часто полагали, что за баррикадами скрываются дружинники и поэтому осыпали ихъ цѣлымъ дождемъ пуль, но они совершенно напрасно тратили свои патроны, такъ какъ за баррикадами по большей части никого не было. Баррикада, бывшая всегда главнѣйшимъ орудіемъ военной борьбы возставшаго народа—не сыграла на самомъ дѣлѣ въ Москвѣ никакой роли, въ качествѣ опорныхъ пунктовъ борьбы. Онѣ стояли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до самаго конца кровавыхъ дней, напоминая своимъ видомъ о далекомъ прошломъ.

Новая тактика, приноровленная къ новымъ условіямъ борьбы,—была тактикой партизанской войны. Утомлять противника, внезапно нападать на него, постоянно на каждомъ шагу безпокоить его—вотъ въ чемъ состояла его тактика.

Эта тактика по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ дала слѣдующіе результаты: всего пострадало на сторонѣ войскъ и полиціи 120 человѣкъ, въ томъ числѣ убито 34. Больше

всего убито полицейскихъ, а именно, 25 человѣкъ. Съ точки зрѣнія ослабленія непріятельскихъ силъ этотъ результатъ, конечно, ничтоженъ. Его ничтожность выступаетъ особенно рѣзко, если съ нимъ сравнить успѣхи Дубасовской тактики. По совершенно точнымъ свѣдѣніямъ медицинскаго бюро, 47 лѣчебницъ и пунктовъ г. Москвы, данныхъ печати, съ 7 по 17 декабря убито 548, ранено 1065. Сюда не вошли, разумѣется, тѣ, которые лежали въ участкахъ: а такихъ было очень много. Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что отъ артиллерійскаго и ружейнаго огня войскъ погибло убитыми около 1000 человѣкъ. Артиллерійскій огонь оказался убійственнымъ, однако, не для активныхъ борцовъ московской инсуррекціи, т. е. дружинниковъ, а для случайныхъ обывателей, къ возстанію нисколько не причастныхъ. По тѣмъ-же свѣдѣніямъ, пострадавшихъ дружинниковъ зарегистрировано 12 человѣкъ.

Число организованныхъ дружинниковъ всѣхъ категорій не превосходило одной тысячи. Сюда входятъ какъ районныя (рабочія) дружины, такъ и летучія (интеллигентскія) дружины.

Тысяча пятьсотъ человѣкъ—вотъ численность дѣйствующей революціонной арміи, для подавленія которой адмиралу Дубасову понадобились подкрѣпленія изъ гарнизоновъ другихъ военныхъ округовъ! Какъ бы то ни было, хвастать такой побѣдой усмирителю московскаго возстанія едва-ли удобно!

Манифестъ 17-го октября, какъ извѣстно, былъ сигналомъ чудовищной по своимъ формамъ и размѣрамъ оргіи контръ-революціи. Ужасныя вѣсти изъ Твери, Томска, Кіева, Одессы и отовсюду, гдѣ было хоть нѣсколько интеллигентовъ или нѣсколько евреевъ, вызывали опасеніе, какъ-бы и Москва не стала ареной подобныхъ ужасовъ.

Звѣрства черной сотни и казацкой орды, пока спорадическія, казались прологомъ къ грандіознымъ гекатомбамъ, которыя готовили въ ближайшемъ будущемъ, во славу самодержавія и реакціи, темныя силы въ Москвѣ. Послѣ 20-го октября, дня злодѣйскаго разстрѣла возвращавшихся съ похоронъ Баумана, Москва переживала въ теченіе двухъ недѣль паническій страхъ отъ все ниже, казалось, опускающейся черной грозовой тучи.

Вопросъ о самооборонѣ сталъ вопросомъ жизни въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова. Запасайтесь оружіемъ! сдѣлалось лозунгомъ, диктуемымъ не соображеніями партійно-политическими, а инстинктомъ самосохраненія. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти тяжелыя двѣ недѣли, на время которыхъ свободная политическая жизнь замерла, были временемъ наиболѣе интенсивнаго собиранія и накопленія оружія, временемъ, когда вопросы вооруженія и владѣнія оружіемъ заслонили въ глазахъ многихъ всѣ прочіе вопросы.

Въ то время, какъ правительство сосредоточивало всѣ силы на очищеніи отъ баррикадъ и дружинниковъ одного какого-нибудь района, пока оставляя остальные районы столицы во власти революціи, боевыя силы революціи были разсѣяны по всѣмъ районамъ, и каждому изъ нихъ въ отдѣльности приходилось поочередно выдерживать страшный натискъ соединенныхъ непріятельскихъ силъ. Первые два дня, 10-ое и 11-ое, адмиралъ Дубасовъ употребилъ исключительно на отвоеваніе и захватъ центральной части города, направивъ всю свою энергію и разрушительную силу артиллерійскаго огня именно на нее. Водворивъ „спокойствіе" въ центрѣ города, генералъ Дубасовъ посвящаетъ день 12-го декабря „чисткѣ" Замоскворѣчья, закончивъ ее грандіозной иллюминаціей—под-

жогомъ Сытинской типографіи. 13-го канонадѣ подвергаются Арбатъ и Арбатская площадь. 14-го и 15-го артиллерія работаетъ на Міусахъ, Лѣсной, у Бутырской заставы. Наконецъ, 17-го начинается разгромъ Прѣсни. Съ систематической послѣдовательностью и методичностью стальная метла изъ шрапнелей и гранатъ, расчищая себѣ путь, передвигалась все въ новые районы. Между тѣмъ боевыя силы возстанія лишены были возможности совершать свое движеніе параллельно движенію правительственныхъ войскъ. Дружины въ общемъ были отрѣзаны другъ отъ друга, и освобождавшіеся резервы лишь рѣдко могли служить подкрѣпленіемъ для отстаиванія тѣхъ позицій, которыя нуждались въ усиленномъ притокѣ силъ.

Ни въ одномъ болѣе крупномъ возстаніи европейскихъ столицъ число активныхъ вооруженныхъ борцовъ возстанія не было такъ незначительнымъ, какъ въ Москвѣ. И, однако, несмотря на малочисленность революціонной арміи, она въ теченіе недѣли вела борьбу съ много разъ превосходившими ее по силѣ и численности правительственными войсками. Объясняется это, съ одной стороны, указанной нами системой борьбы правительства и партизанской тактикой инсургентовъ, съ другой стороны, той соціально-политической атмосферой, въ которой возстаніе разыгрывалось и которая въ сущности и придаетъ совершавшимся въ Москвѣ событіямъ характеръ народнаго возстанія.

Московское возстаніе заслонило силой своего размаха революціонное движеніе, которое одновременно происходило чуть-ли не во всѣхъ концахъ Россіи. Не говоря о Петербургѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, была почти полная всеобщая забастовка, движеніе охватило цѣлый рядъ городовъ: Ростовъ-на-Дону, Бахмутъ, Одессу, Николаевъ, Симферополь, Кіевъ, Харьковъ, Саратовъ, Кострому, Яро-

славль, Воронежъ, Тверь, Смоленскъ, Вильну, Брестъ-Литовскъ, Ковну, Ревель, Юрьевъ, Варшаву, Сосновицы, Лодзь и многіе другіе. Въ большей части перечисленныхъ городовъ происходили всеобщія забастовки, сопровождавшіяся вооруженными столкновеніями съ полиціей и войскомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ въ Ростовѣ-на-Дону и въ Вахмутскомъ каменно-угольномъ районѣ, повторялось то, что мы видѣли въ Москвѣ: ожесточенныя схватки съ массой убитыхъ, безпощадное разстрѣливаніе сотенъ рабочихъ. Забастовка охватила кромѣ того цѣлый рядъ желѣзныхъ дорогъ, прекратившихъ движеніе. Кромѣ дорогъ Московскаго узла бастовали Юго-восточныя дороги, Вологодская, Екатерининская, Привислинскія, Ивангродо-Домбровская, Варшавско-Вѣнская, Харьково-Николаевская, Юго-западная, часть Полѣсскихъ жел. дорогъ.

Кромѣ того: въ Прибалтійскихъ провинціяхъ возстаніе, охватившее весь край, Кавказъ, совершенно отрѣзанный отъ центра—въ рукахъ революціи, Сибирь—тоже отъ края до края охваченная возстаніемъ.

Московское возстаніе, слѣдовательно, происходило въ атмосферѣ не только всеобщей забастовки въ Москвѣ, но на фонѣ почти всероссійской забастовки и ряда областныхъ революцій.

Московское возстаніе подавлено, буквально потоплено въ потокахъ крови! Настоящая оргія кроваваго подавленія въ сущности началась только тогда, когда возстаніе уже кончилось. Болѣе тысячи убитыхъ и раненыхъ за время отъ 10 до 17 декабря, убитыхъ на баррикадахъ или случайно шальной пулей, осколкомъ шрапнели или гранаты — это только жертвы военной акціи правительственной власти. A la guerre comme à la guerre, этимъ принципомъ руководствовался адмиралъ Дубасовъ и дѣйство-

валъ противъ „мятежной" Москвы совершенно такъ же, какъ дѣйствуютъ въ войнѣ противъ непріятельскаго города, съ тою лишь разницей, что въ войнѣ обѣ воюющія стороны располагаютъ приблизительно одинаковыми средствами защиты и нападенія; здѣсь же на одной сторонѣ была вся сила и мѣткость современной артиллеріи, на другой — весь пылъ революціонной отваги и готовность умереть за свое дѣло, но мало пригодное для настоящихъ военныхъ дѣйствій оружіе. Разница еще состоитъ въ томъ, что какъ бы ожесточенно ни велась война, но извѣстные законы международнаго права все же въ ней признаются. Здѣсь же не признавалось никакихъ законовъ: санитарные отряды инсургентовъ истреблялись, а плѣнники разстрѣливались.

Послѣ побѣды началось торжество законности и порядка, торжество, размѣры котораго, конечно, уступаютъ оргіи версальскихъ побѣдителей парижской коммуны. Но характеръ и формы, въ которыхъ проявлялось торжество московскихъ побѣдителей ни въ чемъ не уступаютъ звѣрскому изступленію версальцевъ.

Въ Москвѣ, какъ и послѣ Парижской кровавой недѣли, офицеръ, указывая на того или на другого изъ приводимыхъ арестованныхъ, приговаривалъ по своей прихоти направо или налѣво. Налѣво означало вести къ разстрѣлу. И въ Москвѣ, какъ и въ Парижѣ, кромѣ убійствъ по волѣ солдатъ, практиковалась комедія суда, гдѣ допросъ продолжался четверть минуты. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, убивали инстинктивно, наудачу, по случайному сходству, за имя, по малѣйшему подозрѣнію, и даже просто такъ, безъ всякой причины. Какъ тамъ, такъ и здѣсь за убійствами и казнями слѣдовали массовые аресты съ перспективой военныхъ судовъ и смертныхъ приговоровъ.

Глава VI.

Возстаніе въ Прибалтійскомъ краѣ.

Русскій народъ со всѣхъ сторонъ окруженъ инородцами, покоренными въ различныя времена племенами и народами. Вся западная окраина Россіи населена нерусскими націями: финляндцами, эстами, латышами, литовцами и поляками. Югозападную окраину занимаютъ малороссы, тоже проявляющіе довольно значительныя тенденціи къ національной самостоятельности. Южныя окраины и Кавказъ населены различными народами, которые всѣ тяготятся русскимъ господствомъ и болѣе или менѣе открыто борятся противъ него.

Окраины болѣе революціонны, чѣмъ центральная Россія съ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Поэтому русское правительство, разсчитывая на отсталость русскаго народа, мало безпокоилось изъ-за революціоннаго настроенія окраинъ. Ему не трудно было военной силой подавить отдѣльно вспыхнувшія возстанія среди инороднаго населенія и оно дѣлало это съ безсовѣстной жестокостью, надѣясь найти крѣпкій оплотъ въ

косномъ русскомъ народѣ. Но послѣднія стачки и московское вооруженное возстаніе разсѣяли эти надежды.

Къ возстанію въ центрѣ Россіи правительство относится совершенно иначе, чѣмъ къ революціоннымъ вспышкамъ на окраинахъ. Оно хладнокровно отдаетъ на сожженіе городъ Баку и жертвуетъ всей русской нефтяной промышленностью, желая „проучить“ непокорныхъ армянъ. Оно, не задумываясь, разрушаетъ одесскій портъ съ его несмѣтными богатствами, лишь бы отмстить непослушнымъ одесскимъ рабочимъ за безпрерывныя стачки и демонстраціи.

Оно не скупится, конечно, на всякіе ужасы и въ центральной Россіи, какъ это показываетъ подавленіе московскаго вооруженнаго возстанія, но съ особенной жестокостью оно обрушивается на окраины. Кровожадность подавленія тамъ доходитъ до виртуозности, какъ это показываетъ усмиреніе Прибалтійскаго края.

Прибалтійскія губерніи являются послѣ Финляндіи самой культурной мѣстностью Россіи. Поэтому онѣ особенно враждебно настроены противъ русскаго правительства, грубой силой стѣсняющаго всякое развитіе. Особенно главные города края, Рига, Либава и Ревель, служили ареной усиленной революціонной борьбы. Японская война съ ея бѣдствіями тяжело отразилась и на Прибалтійскомъ краѣ, увеличивая до крайнихъ предѣловъ народную нужду и недовольство, которое начало проявляться не только въ городахъ, среди фабричнаго населенія, но и въ деревняхъ. Деревенское населеніе испытывало на своей спинѣ не только правительственный гнетъ, но подвергалось также безпощадной эксплуатаціи со стороны нѣмецкихъ бароновъ и пасторовъ. Противъ послѣднихъ главнымъ образомъ и была направлена революціонная борьба въ деревнѣ. Лѣтомъ 1905 года устраивались грандіозныя стачки въ различныхъ

мѣстностяхъ Курляндской и Лифляндской губерніи. Въ церквахъ пасторы удалялись съ каѳедръ, съ которыхъ произносились революціоннныя рѣчи. Лавки винной монополіи уничтожались и деньги конфисковались въ пользу соціальдемократической партіи. Всѣ бумаги волостныхъ правленій сжигались, портреты царей уничтожались и деньги тоже отбирались. Самые ненавистные бароны, пасторы, полицейскіе чины убивались, но и бароны безжалостно убивали революціонеровъ, когда послѣдніе попадались въ ихъ руки.

Въ деревняхъ иногда происходили настоящія сраженія между казаками и вооруженными крестьянами, причемъ нерѣдко войскамъ приходилось отступать.

Созванный осенью 1905 года крестьянскій съѣздъ, на которомъ присутствовало болѣе тысячи избранныхъ народомъ делегатовъ, рѣшилъ совершенно игнорировать не только правительственныя учрежденія, но и волостныя правленія и суды, избранные главнымъ образомъ землевладѣльцами. На ихъ мѣсто повсюду выбирались новые комитеты на основаніи всеобщаго избирательнаго права, немедленно приступившія къ реорганизаціи мѣстныхъ условій.

Съѣздъ народныхъ учителей въ свою очередь постановилъ игнорировать всѣ предписанія учебнаго округа и инспекторовъ народныхъ училищъ и выработалъ новую программу преподаванія.

По объявленіи манифеста 17 октября поднялась вся страна. Повсюду собирались грандіозные митинги, и народныя собранія приступили въ выработкѣ новыхъ формъ жизни.

Когда аграрное движеніе не уменьшалось, лифляндскій губернаторъ созвалъ въ началѣ ноября собраніе волост-

ныхъ старшинъ, ихъ помощниковъ и волостныхъ писарей для обсужденія вопросовъ, относящихся къ успокоенію населенія. Представители сельскаго общества просили губернатора разрѣшенія предварительно имъ самимъ посовѣтоваться между собою. Собраніе ихъ нашло необходимыми слѣдующія реформы: 1. Безъ всякаго замедленія должны быть произведены новые выборы всѣхъ должностныхъ лицъ въ волостяхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права; 2. уничтоженіе патроната; 3. подоходный налогъ для удовлетворенія волостныхъ нуждъ; 4. отмѣна паспортной системы; 5. немедленное закрытіе казенныхъ винныхъ лавокъ; 6. отмѣна военнаго положенія; 7. широкое мѣстное самоуправленіе и 8. созывъ общегосударственнаго учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Это тѣ самыя демократическія требованія, которыя выставлялись на всѣхъ митингахъ, повторялись на столбцахъ газетъ и во всѣхъ прокламаціяхъ.

Вмѣсто реформъ въ концѣ ноября въ Лифляндской губерніи было введено военное положеніе. Въ Курляндской губ. оно было объявлено уже раньше. Эта мѣра явилась искрой, зажегшей пожаръ во всемъ краѣ. Виновниками этой новой напасти народъ не безъ основанія считалъ дворянство. Вѣковая ненависть латышей къ ихъ притѣснителямъ прорвалась наружу и вылилась въ стихійной формѣ разгрома баронскихъ замковъ. Въ латышской части Лифляндской губерніи происходили настоящія сраженія между войскомъ и народомъ, который, оставаясь сначала побѣдителемъ, громилъ старые замки своихъ притѣснителей. Но возстаніе скоро было подавлено.

Въ Курляндской губерніи города Виндава, Туккумъ, Гольдингенъ, Тальсенъ и др. были захвачены революціонерами

ціонерами безъ всякаго сопротивленія. Въ отвѣтъ на это, правительство прислало генералъ-губернатора Соллогуба съ порученіемъ усмирить край.

Чтобы натравить русское правительство на возставшій народъ, бароны и ихъ пресса старались изо всѣхъ силъ распространять слухъ, будто латыши и эсты хотятъ отдѣлиться отъ Россіи и основать свою собственную республику. Но это утвержденіе совершенно ложно. Эстонская интеллигенція и латышская рабочая партія самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ такой инсинуаціи. Нѣмецкія газеты говорили даже объ избранныхъ уже президентахъ этихъ предполагаемыхъ республикъ. Такъ напр. въ Везенбергѣ былъ арестованъ портной Шульцъ и впослѣдствіи разстрѣлянъ, какъ президентъ эстонской республики.

Но это былъ психически больной человѣкъ, ненормальность котораго бросалась всѣмъ въ глаза.

Шульцъ однажды явился въ Юрьевъ въ редакцію газеты „Постимесь“.

Блѣдный, съ горящими глазами онъ обращается къ редактору, г. Теннисону.

— Вы г. Теннисонъ?

— Да, я Теннисонъ.

— Я пріѣхалъ нарочно посмотрѣть, какой вы. — Говорятъ, что вы губите нашу страну...

— Странно... какимъ же это образомъ?

— Вашими статьями. Но я — я спасу Эстляндію. Я имѣю большія связи въ Петербургѣ при Дворѣ. Я былъ друженъ съ императоромъ Александромъ III...

Далѣе полилась безсмысленная, безсвязная рѣчь. Пришлось успокаивать будущаго президента миѳической республики.

Его, конечно, разстрѣляли безъ всякаго суда какъ опаснаго врага.

Усмиреніе края носитъ дикій, варварскій характеръ. Войска проходятъ по странѣ огнемъ и мечемъ, сѣкутъ и разстрѣливаютъ безъ суда и слѣдствія, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ, жгутъ усадьбы, уничтожаютъ имущество. Только въ одной Лифляндской губерніи казнено до 500 человѣкъ и сожжено до 100 крестьянскихъ усадебъ. А числа избитыхъ и высѣченныхъ — не сосчитаешь!

Такая жестокая, безсмысленная расправа производится, въ сущности говоря, надъ совершенно мирнымъ населеніемъ, потому что большинство революціонеровъ и агитаторовъ давно скрылось за предѣлы досягаемости.

Нѣсколько мѣсяцевъ продолжается это неслыханное усмиреніе. Черезъ нѣкоторыя мѣстности войска проходятъ по три раза и все жгутъ, рѣжутъ, разстрѣливаютъ. Газеты переполнены ужасными подробностями о дѣятельности войскъ. Здѣсь приводимъ нѣсколько выписокъ изъ русскихъ газетъ, характеризующихъ эти подвиги.

„Рижскій Вѣстникъ“, органъ реакціонный, сочувствующій правительству, печатаетъ слѣдующія данныя объ усмиреніи города Феллина.

„Въ самомъ городѣ было разстрѣляно 9 января 40 чел. и 11 января 13 чел. Сколько разстрѣляно въ уѣздѣ, пока неизвѣстно. Изъ числа разстрѣлянныхъ 9 января 40 человѣкъ лишь 14 человѣкъ казненныхъ содержались въ тюрьмѣ, какъ участвовашіе въ нападеніи на имѣніе Каббаль, Феллинскаго уѣзда, и въ разгромахъ имѣній въ Вейсенштейнскомъ уѣздѣ. Остальные 26 чел., извѣстные подъ кличкою

„мазуриковъ“, были арестованы въ г. Феллинѣ ночью передъ казнью и наканунѣ въ своихъ домахъ и квартирахъ, въ постели.

„Приведенные въ тюрьму, они узнали, что обречены на разстрѣлъ. Упавъ на колѣни, они стали просить присланнаго на усмиреніе штабсъ-ротмистра лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, Гроссъ-Сиверса о судѣ надъ ними и о пощадѣ. Но это, очевидно, было невозможно... Связанные по рукамъ, они вмѣстѣ съ выведенными изъ камеръ тюрьмы 14 арестантами, исповѣдавшись и пріобщившись Христовыхъ тайнъ, направились на берегъ прилегающаго къ городу озера. Здѣсь у подножія развалинъ стариннаго замка зіяла громадная яма. Поодаль уже собралась довольно многолюдная толпа эстовъ, плакавшихъ, стонавшихъ и дрожавшихъ оть страха. Придя къ ямѣ, всѣ, обреченные на разстрѣлъ, съ искаженными отъ ужаса лицами, снова упали на колѣни предъ штабсъ-ротмистромъ, прося опять о судѣ и пощадѣ. Одинъ изъ нихъ, мѣстный ходатай по дѣламъ, хорошо говорившій по-русски, молвилъ со сложенными руками: „Ваше“ превосходительство, судите насъ! Мы не виновны! Сошлите насъ на каторгу, на необитаемый островъ, мы будемъ работать день и ночь, но даруйте намъ жизнь“... Но раздалась команда; первую шеренгу въ пять человѣкъ подвели къ ямѣ, поставили на колѣни, лицомъ къ ямѣ; раздалась команда „заряжай!“ и затѣмъ „взводъ пли“! У нѣкоторыхъ казненныхъ слетали черепа и летѣли черезъ яму. Несмотря на то, что драгуны стрѣляли почти въ упоръ и въ затылокъ, нѣкоторые послѣ выстрѣла еще кричали и мучились, и ихъ изъ револьвера дострѣливалъ офицеръ. Не было возможности и силъ смотрѣть на эту картину, и послѣ разстрѣла первой шеренги многіе со слезами ушли. Такъ какъ эти 26 чел.

были арестованы предъ казнью и разстрѣляны безъ суда, то о казни ихъ ходятъ толки, будто среди нихъ было немало неповинныхъ. Въ числѣ 14 казненныхъ также были два мальчика, 15 и 17 лѣтъ, сыновья одного эстонца изъ м. Оберпалена. Ихъ разстрѣляли вслѣдствіе того, что скрывшійся ихъ отецъ стрѣлялъ въ Оберпаленѣ въ офицера, хотѣвшаго войти въ его домъ съ солдатами, чтобы арестовать революціонеровъ. Теперь, какъ говорятъ онъ разысканъ и арестованъ."

„А сколько по ошибкѣ... разстрѣляно!.." восклицаетъ „Русь" по поводу этого описанія. Теперь уже извѣстны многіе факты разстрѣловъ по ошибкѣ. Но эти ошибки блѣднѣютъ передъ изобрѣтательной жестокостью какъ остзейскихъ, такъ и кровныхъ русскихъ бравыхъ командировъ „боевыхъ" отрядовъ. Приведемъ, на удачу, нѣсколько выдержекъ изъ мѣстныхъ газетъ. „Отряды приходили со спеціальными проскрипціонными списками „виновныхъ", заготовленными мѣстными баронами, и въ этихъ спискахъ нерѣдко сводились личные счеты."

„Въ Бальдонѣ драгуны, подъ начальствомъ мл. пом. баускаго уѣзднаго начальника, фонъ-Эрцдорфъ-Купфера, по ошибкѣ застрѣлили кузнеца Берзина, тогда какъ въ проскрипціонный списокъ былъ занесенъ другой Берзинъ".

„Въ Ремтенѣ застрѣлены 4 лица".

„Въ Старо-Гульбенѣ до 6-го января застрѣлено 13 человѣкъ. Одинъ трупъ виситъ на развалинахъ сожженнаго замка. Арестованныхъ „гонятъ сквозь строй", при чемъ каждому дается около 150 нагаечныхъ ударовъ".

„Въ Тирзенѣ 6-го января застрѣлено 11 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько мызныхъ батраковъ. Сожжено нѣсколько усадебъ."

„Въ окрестностяхъ Берзена послѣднія недѣли населеніе проводило въ постоянномъ страхѣ. Имущество закапывалось въ землю. Ложась спать, никто не раздѣвался. Женщины съ дѣтьми часто скрывались въ устроенныхъ въ лѣсахъ землянкахъ".

„Войсками руководили бароны".

„Въ Мало-Салацѣ драгуны, которыми командовали „почетные полицейскіе" фонъ-Фитингофъ, фонъ-Нуммеръ, фонъ-Энгельгардтъ и фонъ-Левисъ-офъ-Менаръ, сожгли одну усадьбу и книжную лавку Мелбарда".

„Въ Лизумѣ войкса 9 января принялись ловить членовъ нов. волостн. правленія, троихъ застрѣлили и многихъ крестьянъ наказали нагайками. Не находя записанныхъ въ проскрипціонный списокъ лицъ, войска сожигаютъ ихъ имущество. Населеніе въ паникѣ".

„Драгунами подъ начальствомъ Назимова, разсказываетъ корр. „Бирж. Вѣд.", — былъ разстрѣлянъ безъ всякаго суда псаломщикъ православной церкви Ланешицкаго прихода, Ратсенъ. По чьимъ-то таинственнымъ указаніямъ Ратсенъ былъ схваченъ. Его привязали къ телеграфному столбу. Прибѣжалъ мѣстный православный священникъ и на колѣняхъ, со слезами, умолялъ Назимова пощадить Ратсена, такъ какъ онъ совершенно невиновенъ.

„Назимовъ остался непреклоненъ.

— Разрѣшите хоть причастить его.

— Нельзя.

Бѣдный Ратсенъ былъ разстрѣлянъ на глазахъ всего прихода, на глазахъ своей жены и семи дѣтей (младшему полтора года). Сдѣлавши свое дѣло, драгуны уѣхали. Только послѣ отъѣзда ихъ покойный былъ отвязанъ отъ позорнаго столба и выданъ на руки женѣ и сиротамъ"

„Умираютъ латыши гордо, безъ стона, не прося пощады.

Въ Зосвенгенѣ разстрѣляли члена новаго, поставленнаго по выбору самими крестьянами, волостного правленія, Андрея Аугула.

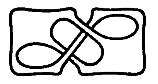
— Выдайте своихъ товарищей, и ваша участь будетъ смягчена... обратился къ Аугулу офицеръ.

— Г. офицеръ, прикажите вашимъ подчиненнымъ поскорѣе стрѣлять: мнѣ съ вами не о чемъ разговаривать.

Разстрѣляли...“

Разумѣется, что такими мѣрами русское правительство не внушитъ населенію вѣрноподданническъ чувств ихъ. Несмотря на всѣ жестокости, край еще не усмиренъ. Какъ только войска оставляютъ мѣстность, снова появляются прокламаціи, призывающія къ борьбѣ, снова воскресаетъ революціонный терроръ, какъ неизбѣжное послѣдствіе правительственнаго террора.

Революція въ Прибалтійскомъ краѣ не подавлена, она еще не кончилась, она только началась.

Глава VII.

Предсмертныя судороги самодержавія.

Картины самыхъ свирѣпыхъ нашествій, самыхъ звѣрскихъ истребленій и опустошеній, какія случались въ прошлые вѣка, повторяются теперь повсемѣстно въ Россіи. Самодержавіе чувствуетъ, какъ постепенно теряется почва подъ его глиняными ногами и съ какимъ то дикимъ остервенѣніемъ рветъ и мечетъ своихъ враговъ. Оно не останавливается ни передъ какими ужасами.

Пытки никогда не исчезали изъ нашихъ полицейскихъ застѣнковъ; теперь онѣ возстановлены совершенно открыто. Въ деревняхъ истязаютъ крестьянъ, добиваясь выдачи зачинщиковъ. Извѣстно, какимъ пыткамъ погвергли Спиридонову, которая вышла изъ рукъ палачей съ отбитыми легкими, съ кровохарканіемъ, съ развившимся вслѣдствіи пытокъ туберкулезомъ, полуглухой, полуслѣпой, изнасилованной, зараженной сифилисомъ. Другую дѣвицу, Измайловичъ, въ Минскѣ били кулаками и нагайками, топтали ногами, плевали ей въ лицо, тушили папиросы объ ея тѣло. Этого рода пытки практикуютя давно и повсемѣстно,

но въ послѣднее время они становятся общимъ правиломъ, нормой.

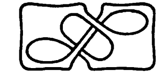
Въ Варшавѣ цѣлая система пытокъ выработана начальникомъ сыскного отдѣленія Гриномъ, который въ 1902 году былъ лишенъ правъ состоянія за мошенничество, но по высочайшему повелѣнію помилованъ, получилъ повышеніе и теперь оправдываетъ довѣріе властей. Замученныхъ до смерти выбрасываютъ въ Вислу. Разъ рыбаки выловили подлѣ цитадели, гдѣ производятся пытки, 16 труповъ, связанныхъ проволочнымъ канатомъ. Лица ихъ были залиты смолой, трупы были страшно изуродованы.

О систематическихъ пыткахъ сообщаютъ изъ Риги и изъ многихъ другихъ городовъ. Этотъ способъ расправы стоновится всеобщимъ. Жестокость усмиренія принимаетъ звѣрскія формы. „До сихъ поръ никогда не умѣли достаточно терроризировать населеніе, сказалъ министръ Дурново, — надо нагнать на страну и на революціонеровъ токой ужасъ, который жилъ бы еще въ памяти внуковъ.“ Этотъ звѣрскій лозунгъ министра подхвитывается подчиненными ему усмирителями. „Рѣжь, руби, сѣки! Чтобъ пули зря не летѣли!“ приказываетъ баронъ Медемъ въ Казани. Такіе же приказы въ различныхъ варіаціяхъ раздаются во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ народное недовольство вырывается изъ измученной груди. А дѣла усмирителей по своей жестокости далеко превосходятъ ихъ циничныя слова. Повсюду практикуются убійства, казни безъ суда, грабежи, изнасилованія въ самыхъ жестокихъ, квалифицированныхъ формахъ. На Кавказѣ казаки заставляютъ изнасилованныхъ женщинъ цѣловать свои половые органы. Въ Прибалтійскомъ краѣ вѣшаютъ людей не просто, а вбиваютъ имъ предварительно въ черепъ гвозди, чтобы зацѣпить за нихъ веревку...

Россія представляетъ собою теперь варварскую вакхиналію озвѣрѣвшихъ дикарей.

Только напрасно министры надѣются терроромъ упрочить свое господство. Желѣзный ходъ исторіи нельзя задержать никакими репрессіями и звѣрствами.

Народная совѣсть въ лицѣ государственной думы изрѣкла уже свой приговоръ надъ правительствомъ. „Убійцы!“ сказала она. Грозныя тучи снова собираются надъ многострадальной Россіей. Недалекъ тотъ день, когда карающая рука Немезиды свершитъ свой справедливый судъ.

Послѣсловіе.

Еще не время писать объективную исторію русской революціи. Она еще слишкомъ близка, отдѣльные эпизоды ея еще слишкомъ живо отражаются въ нашемъ сознаніи, чтобы объективно ихъ оцѣнивать и расположить въ соотвѣтствующей ихъ значенію перспективѣ.

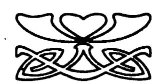
Мы желали дать читателю только общій обзоръ отдѣльныхъ моментовъ этого грандіознаго движенія. Ввиду отсутствія исторически разработаннаго матеріала, намъ приходилось пользоваться корреспонденціями, замѣтками и статьями изъ различныхъ газетъ и журналовъ, русскихъ и заграничныхъ, причемъ мы, не претендуя на оригинальность, мѣстами дѣлали болѣе или менѣе значительныя заимствованія.

Содержаніе.

		Стр.
I.	Самодержавіе и революція	3—7
II.	9. января	8—21
III.	Возставшій броненосецъ	22—56
IV.	„Конституція“ 17 октября	57—68
V.	Московское возстаніе	69—79
VI.	Возстаніе въ Прибалтійскомъ краѣ . . .	80—89
VII.	Предсмертныя судороги самодержавія . .	90—92
	Послѣсловіе	93

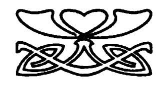

ИЗДАНІЯ ДАВОССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ ДАВОСѢ
(Швейцарія)
Buchdruckerei Davos A.-G., Davos-Platz.

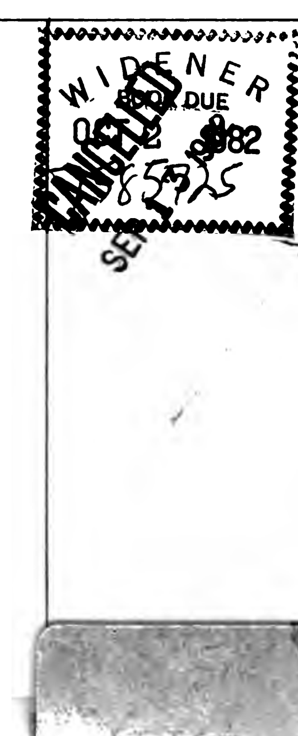
Русская свободная библіотека.

№ 1. Подъ гнетомъ сомодержавія, сборникъ русскихъ революц. стихотвореній. Составилъ Г. Вѣринъ. Цѣна: 2 М. (2 фр. 50 с.).

№ 2. Царь Николай II., его среда и совѣтники. Соч. П. Орлова. Цѣна: 2 М. (2 фр. 50 с.).

WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED